

12+

Жак Маттер

**Критическая история гностицизма и его
влияния**

Том первый

Жак Маттер

**Критическая история гностицизма и его
влияния. Том первый**

«Издательские решения»

Маттер Ж.

Критическая история гностицизма и его влияния. Том первый / Ж. Маттер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654447-5

Помимо преподавания, Жак Маттер был также и плодовитым писателем. Его работа о гностицизме — «Критическая история гностицизма» (*Histoire critique du gnosticisme*) была опубликована в 1828 году, заложила основы для дальнейших исследований этого сложного и загадочного явления, а также способствовала популяризации темы гностицизма в европейской науке и культуре XIX века.

ISBN 978-5-00-654447-5

© Маттер Ж.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Глава I. Классификация	18
Глава III. Чисто греческое происхождение	20
Глава V Иудейско-египетские истоки	27
Глава VI. Халдейское и персидское происхождение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Критическая история гностицизма и его влияния Том первый

Жак Маттер

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жак Маттер, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-4447-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-4448-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Критическая история гностицизма и его влияние

на религиозные и философские секты первых шести веков христианской эры.

Лауреат премии Королевской академии надписей и изящной словесности Жакк Маттер

Генеральный инспектор Университета Франции.

2-е издание, переработанное и дополненное.

Первый том.

1843

Предисловие

Между угасающим многобожием и христианством, пришедшим на смену иудаизму и захватившим мир, возникла третья система – гностицизм. Родившись из нескольких других, эта система лишь обобщила наиболее важные из них.

Это было время эклектики. Эклектика царила в философии, как мы можем видеть из тенденций Плутарха и Аммония; в религии, как мы можем видеть из Оригена и Климента Александрийского; в морали и политике, как мы можем видеть из трудов и учреждений Антонинов.

Представляя собой более полную эклектику, чем любая другая, охватывая Восток и Запад, христианство и политеизм, система, занявшая место между этими двумя доктринами, льстила себе тем, что одержит верх над обеими, тем более легко, что одна, казалось, сохранила слишком много, а другая слишком мало тех теорий, которые любил древний мир: Он предложил Космогонию, более обобщенную, чем политеизм, более развитую, чем священные кодексы, свою Теогонию, свою Эогонию, свою Пневматологию и свою Антропологию, которые также добавляли к христианским теориям и вычитали из языческих доктрин. Он ставил себя выше всего, что его окружало, и, сказав ученикам Моисея: «Вы никогда не знали ни Верховного Существа, ни его закона, и ваше откровение – лишь работа подчиненного божества», он сказал политеистам: «У вас нет религии, у вас есть только мифология, у вас нет философии, у вас остался только скептицизм». Наконец, – говорил он христианам, – у вас больше нет истинных текстов ваших первых учителей, а эти учителя, сбившие с пути иудаизмом, не поняли своего божественного учителя».

Говоря на этом языке с обеими сторонами, гнозис добавил свои тайны к тому, чего не хватало в их публичном или интимном учении, и реформировал оба института и доктрины.

Гностицизм добавил уроки и примеры к своим опровержениям, и, кажется, на мгновение у него зародилась честолюбивая надежда на великие завоевания. У него действительно было много школ в Сирии, Египте, Малой Азии, Лисе, Италии, Галлии и Испании. Но нигде ему не удалось завоевать большинство, покорить общественное управление. Во всей своей работе и во всех своих тенденциях он пренебрегал именно тем, что так долго поддерживало политеизм, тем, что должно было сделать христианство религией цивилизованного мира, а магометизм – значительной части Востока, то есть политикой или союзом с государством.

Как мог гностицизм пренебречь или отмахнуться от этого союза?

Неправильно было бы сказать, что он пренебрег или презрел его: вот причины, по которым он не мог вступить в него.

Она никогда не была фиксированной системой; это был ряд систем, все свободные и независимые друг от друга. В таком состоянии она не могла достичь общего успеха и сохранить единство, достаточное для управления обществом.

Кроме того, в ее примитивных принципах отсутствовала социальная мораль, которая позволила бы политике принять ее и доверить ей судьбу нации. Это был просто набор спекуляций, более подходящих для соблазнения школ, чем народов, и более подходящих для формирования теософов, чем практических людей.

И наконец, он, казалось, обвинял себя в фундаментальной ошибке, поскольку не испытывал энтузиазма в отношении своей веры, бежал от преследований и мученичества, отказывался от публичного исповедания своих теорий и стремился спрятаться в рядах других, вместо того чтобы нести свое знамя.

Лишенный, с одной стороны, той моральной и социальной ценности, которую христианство предлагало в таком изобилии и так возвышенно, той ценности, которой Константин первым воспользовался с таким блеском; с другой стороны, той философской, литературной и монументальной ценности, которую могла предложить полихристианская религия; С дру-

гой стороны, той философской, литературной и монументальной ценности, которой греческий и римский политеизм обладал до своего упадка и которую Юлиан последним оценил во главе империи, гностицизм противопоставил этим двум силам, одна из которых была основана на недавнем откровении, другая – на древнем институте, только две большие претензии, ни одну из которых он не узаконил.

Первая заключалась в том, чтобы предложить традицию, древнюю как мир; вторая – в том, чтобы быть интуицией, превосходящей все науки.

С этими двумя принципами, скорее поэтическими, чем философскими, и более достойными святилищ древнего мира, чем ряда школ, претендующих на реформирование всего, гностицизм, тем не менее, продержался несколько веков. Пока он имел некоторую свободу, у него были святилища или школы во всех частях империи, и он сдался только после продолжительной борьбы, в результате законодательства, которое не давало перемирия никакому инакомыслию.

После христианства, победившего в греческом и римском мире, несмотря на его родство с иудаизмом, который был ненавистен в этом мире, и после политеизма, угасшего, несмотря на его союз с философией, великой славой того, что Юлиан называл эллинизмом, – после этих двух систем, скажем, гностицизма, который уступил со всеми религиозными и философскими элементами, которые он принял, – это самая любопытная драма первых шести веков нашей эры.

Но чтобы оценить, как он того заслуживает, этот великий факт, это столь любопытное появление в нравственном движении первых веков нашей эры, желательно, наконец, не принимать гнозис за то, чем он не хотел быть, – за отпадение от христианства.

Именно так всегда и поступали, несмотря на все его принципы. Гностицизм рассматривался как ветвь, оторвавшаяся от христианства, к нему относились как к секте и ереси, несмотря на то, что он чрезвычайно далеко отошел от своих принципов.

Чтобы быть истинным, его следует рассматривать с другой точки зрения, как набор систем, которые, несомненно, содержат некоторые христианские элементы, но в которых настолько преобладают космогония, теология, пневматология и антропология Персии, Египта, Моисея и Филона, что они представляют собой совершенно новый эклектизм. На самом деле, с христианством его объединяют лишь некоторые термины, которым он придает значение, совершенно отличное от их христианского смысла, так что было бы глупо воспринимать их в этом смысле.

Поэтому я считаю, что старая точка зрения способна исказить все представления об основах гнозиса, и цель моей книги в этом полностью переработанном издании – прояснить, оттачиваясь одна от другой, и настолько полно, насколько того требует истина, две системы, которые противоречат друг другу как по своим последствиям, так и по своим принципам.

Я только что сказал, что это новое издание моей книги полностью пересмотрено. Она изменилась как в целом, так и в деталях. Это почти новая работа.

При ее исправлении я воспользовался всеми полученными комментариями и рядом новых исследований. Я пересмотрел S. Ирене, С. Епифана, С. Клемана д'Александри, Клементин и то, что касается каббалы. Не раз я подтверждал мнения, которые были оспорены. В качестве примера приведу мнение о том, что Каббала в своих элементах предшествует гнозису, мнение, которое мало понятно христианским писателям, но которое с законной уверенностью исповедуют ученые-иудаисты. Я мог бы привести и другие мнения; в частности, что Климентины, которых сделали символом секты, которая никогда не существовала, принадлежат не к гностической школе, а к партии или, скорее, к христианскому автору, подверженному влиянию иудаизма и гнозиса; или что симониане, менандрийцы и досифеи были не мифами, а историческими школами, более или менее многочисленными.

Но правота зависит от фактов, а не от утверждений.

В этом издании, после введения, в котором дается оценка источников гностицизма, я посвятил всю первую книгу классификации его школ и его происхождению; вторую – авторам и лидерам гностицизма до основания его первых школ, сирийских; третью – его великим школам Египта; четвертую – его малым школам Египта; пятую – его кочевым школам; шестую – общей оценке его доктрин и институтов; седьмую – его влиянию на современные школы.

Как известно, источниками гностицизма являются, с одной стороны, тексты, представляющие интерес для всех читателей, а с другой – памятники, имеющие особое значение для археологов. Предыдущее издание я сопровождал подборкой этих памятников. Их количество, собранное мною за последние десять лет благодаря любезной заботе г-на Висконти и аббата Драча в Риме, г-на Штайнбюхеля из Рейнвалля в Вене, г-на Цумпта в Берлине, г-на Лиманса и г-на Янсена в Лейдене, г-на Грёффа в Мангейме и нескольких друзей во Франции и Англии, стало настолько значительным, что я решил сделать их предметом специального издания.

Это будет самостоятельная работа, которая выйдет под названием «Памятники гностицизма» и будет сопровождаться пояснительным текстом, как только мне удастся ее завершить. Она будет охватывать гностические памятники всех времен, включая даже те, что относятся к Средневековью, которым в работе М. де Хаммера придается большое значение. У меня есть несколько неопубликованных работ этого периода.

Такое разделение позволило мне посвятить три тома текста вместо двух только доктринам и избавить это издание от всего, что не предназначено для всех читателей.

Книга, которая последует за ней, как только будет завершен пересмотр «Александрийской школы», будет посвящена исключительно памятникам; ее преимущество в том, что она будет предназначена исключительно для археологов.

С самого начала моя «История гностицизма» должна была быть своего рода продолжением моей «Истории Александрийской школы». Если в этой работе прослеживалась точка зрения на литературное и философское движение веков, окружавших колыбель христианства, то «История гностицизма» должна была проследить точку зрения на моральное и религиозное движение этой великой эпохи.

Я попытался представить эту точку зрения еще более четко, переработав публикацию, которая теперь будет иметь окончательную форму.

С этой целью, помимо целой книги, я добавил несколько глав, которые образуют новое произведение, о чем свидетельствует количество томов.

Введение

Когда человек без всяких предубеждений рассматривает различные религиозные и философские системы, предшествовавшие утверждению христианства в мире, он остается настолько пораженным простым и величественным превосходством его доктрин, что уже не знает, какое происхождение им приписать, кроме того, которое они сами себе приписывают. Основатель этой новой системы передает ее с уверенностью, которая так позитивна и так чиста, так чужда всякого рода сомнений или гипотез, рассуждений или софистики; его ученики излагают ее перед врачами Палестины, мудрецами Греции, учеными Египта и священниками Рима с такой восхитительной откровенностью; И так блестяще эта система положила конец долгим дискуссиям, разделявшим святилища и школы древнего мира, что прямое влияние Высшего Существа, если его можно увидеть где-либо в учреждениях людей, должно быть признано в этой религии, которая объединяет истины, разбросанные по всем другим, и представляет их свободными от всего, что изменило их в других местах. Дело не в том, что христианство предлагает нам решение проблем, которые так долго волновали святилища и школы и будут волновать их до тех пор, пока человеческий дух обитает не в том регионе, который он по праву считает своей истинной родиной; Но на место каждой проблемы он ставит веру, которой человек может гордиться больше, чем любой другой верой; и если в древних дискуссиях он отделял заблуждение от истины с помощью божественного авторитета, то здесь он облакает последнюю в двойную печать разума и откровения. Она проявляет себя как высшая философия в том, что, придя на смену многим другим, больше не пытается метафизически установить то, что метафизика установить не может, и в том, что она дает во имя откровения то, что может дать только откровение.

Если христианство ставит человеческий дух выше умозрений метафизики, то оно также возвышает его над мифологией, и этим оно представляет собою универсальную религию, доступную для интеллекта всех степеней, снижающую все барьеры каст, святилищ, климатов, национальностей и священства, и приспособляющуюся, как и сам человек, к обычаям всех стран, к установлениям всех веков.

Однако чем сильнее человек привязывается к христианству, тем больше он должен ценить чистоту его доктрин и с ревнивым любопытством следить за тем, как оно развивалось на протяжении веков и как боролось с учениями, противоположными его собственным.

Ни одна система не может защитить себя от развития или уберечь от влияния. Для доктрин, как и для наций, жить – значит меняться, а человеческий дух настолько активен и жизнелюбив, что не может оставить ничего из того, что он сделал, как есть. Более того, он не только презирает свои собственные творения, но и, подчиняясь высшим откровениям, которые он не желает и не может превзойти, создает в них свою собственную область и постоянно меняет формы этой области, как бы утешая себя бессилием изменить свою сущность. Всегда, по прошествии определенного времени, доктрина, которая казалась ему состоящей из столь же многочисленных аксиом, сколь и утверждений, оказывается, не зная, кто в этом виноват, если не курс, предписанный для человеческих вещей самим человеком, который был ее автором. На смену доктрине, элементы которой, возможно, все те же, но которая уже не ограничена прежними рамками и приобрела столь новые формы, что если и не является реальностью творения, то, по крайней мере, создает видимость прогресса.

Приведем лишь один пример из истории систем: мозаицизм, в котором, как и в египетском законе, заложен принцип исключения, на протяжении своего существования объединялся со всеми доктринами, с которыми ему приходилось сталкиваться. Если благодаря исследованиям своих мудрецов она обогатилась всем прекрасным, что предлагали ей Египет и Азия, то в результате заблуждений людей она была изменена всем нечистым или соблазнительным,

что имели языческие нравы и суеверия. Мозаика была иной во времена Давида и Соломона, чем во времена Моисея и Арона, иной во времена Даниила и Филона; и она могла быть иной без противоречий, не отрицая своего жизненного принципа – постоянного, то есть прогрессивного откровения.

Любая религиозная доктрина, верящая в вечность или претендующая на нетленность, должна исповедовать тот же принцип, а любая философская доктрина, желающая иметь будущее, должна провозглашать постоянные метаморфозы. Действительно, если создатели доктрин полностью верят в свое дело, то этого нельзя сказать об их последователях, которые после очарования первого энтузиазма вскоре понимают, что система, чтобы быть единой, вынуждена исключить большое количество фактов и истин, которые не могут быть согласованы с ее принципами или объяснены ее гипотезами. Как только это открытие сделано, разум отделяется от доктрины, или дополняет ее своего рода синкретизмом, или отступает под власть процесса, который с тех пор, как существуют философы и системы, всегда путает философов и системы и ставит на место того, что они выдают за абсолютную и исключительную истину, некоторые мнения, некоторые убеждения и некоторые гипотезы, которые он имеет привычку скрывать от всех и предлагать всем.

Это и есть эклектика, которая всегда заполняет промежутки между одной системой и другой и которая отличается от всех других тем, что всегда сохраняет за собой, в отношении того, что является исключительным, право сомневаться во всем.

Поэтому ни одна доктрина не должна льстить себе тем, что она достаточна для умов людей, если она не утверждает, что она совершенна путем откровения или постоянной метаморфозы.

Именно незнание прогрессивного процесса, этого закона всего сущего, именно принцип изоляции и исключения привел к краху все доктрины, предшествовавшие христианству, будь то религиозные или философские. Напротив, именно принципы прогресса путем внутреннего откровения, без какого-либо исключения для естественного прогресса разума, придают христианству характер вечности и универсальности и, поставив его над всем, что ему предшествовало, поддерживают его над всем, что поднималось рядом с ним.

Она также одержала победу над целым рядом систем, выходящих из нее или образовавшихся рядом с ней, одни из которых вели против нее самую оживленную войну, другие грозили поглотить ее в своих кораблекрушениях, а третьи в конце концов обогатили ее своими трофеями.

Мы взялись изложить историю одной из этих битв, даже самой опасной, ибо это история тридцати или сорока сект, смело создавших свои школы в противовес христианству; это история тридцати или сорока сект, вышедших из рядов первобытной церкви и боровшихся с ней с помощью доктрин, которыми она их снабдила, и систем античного мира.

Если христианству с самого начала пришлось выдержать столь ожесточенную борьбу, то главной причиной этого была сама щедрость его принципов. Оно приглашало все народы вступить в свои ряды; оно не ставило никаких ограничений для своего универсализма, кроме человеческих. Все самые возвышенные надежды, которые только могли возникнуть у самого смелого философа и самого любящего тайны священника, он утверждал как догмы. С этого момента в его святилищах и школах стали появляться представители всех наций и элементов всех систем. До сих пор религиозное законодательство повсеместно ограничивалось одним народом и первоначально сталкивалось только с одним учением, которое оно заменяло: христианство, обращаясь ко всем, кто до сих пор претендовал на империю разума, должно было вызвать еще большее брожение и сопротивление.

Кроме того, христианство вступало в мир в одно из самых благоприятных для своих притязаний времен. Все сложившиеся системы сближались; общая усталость овладевала умами людей и побуждала их предаваться синкретизму, который уже давно готовила экспедиция

Александра, за которой последовали более мирные начинания, установление в Азии и Африке нескольких династий и большого числа греческих колоний.

Действительно, со времени перекрестка народов, возникшего в результате войн Александра в трех частях света, доктрины Греции, Египта, Персии и Индии повсюду встречались и сливались. Все барьеры, ранее разделявшие народы, были опущены, и если народы Запада охотно соединяли свои верования с верованиями Востока, то народы Востока спешили усвоить традиции Греции и уроки Афин. Чем дальше греки отходили от своих древних мистерий, тем сильнее они ощущали желание узнать, что древняя мудрость Персии и Индии могла бы утвердить как самое прекрасное в этом мире разумов, из которого, как всегда считалось, человек пришел и в который он хочет вернуться. Они чувствовали эту потребность именно потому, что достигли той степени развития науки, когда у человека нет более высокого вопроса, чем этот. Поэтому философы Греции, я хотел сказать – платоники (ибо в эпоху христианства все философы, за исключением учеников Эпикура, были в большей или меньшей степени платониками), вскоре с жадностью ухватились за верования Востока, ожидая, что они придут и попросят у христианства то, что тщетно искали повсюду. Народы, ранее исповедовавшие самые исключительные принципы, евреи и египтяне, сами подчинились эклектизму, господствовавшему у их хозяев, греков и римлян, и эта неверность своим древним привычкам так хорошо подготовила человеческий род к широким принципам христианства, что, как только оно появилось в мире, оно воздвигло свои обители на берегах Евфрата и Ганга, Нила и Тибра.

Самыми выдающимися из его прозелитов были люди, уже искавшие истину в нескольких святилищах или в нескольких школах.

Принимая религию, которую они предпочитали всем остальным, они намеревались, несомненно, из лучших побуждений, отказаться от последней и исповедовать в простоте систему, которая пленяла их разум; но под влиянием синкретизма, под властью привычек ума и сердца, которые были сильнее их собственной воли, они смешивали сначала сдержанно, а в конце концов с гордостью, старое и новое, христианство и философию, апостольское учение и традиции мифологии. Люди, принимающие данную им религию, по крайней мере, принимают ее в том виде, в каком она им предлагается; но человек, привыкший к первой системе, редко способен принять другую во всей ее чистоте: такая череда нравственных метаморфоз дается лишь немногим умам; легче быть эклектиком. Эклектики христианства были эклектиками, одни с опаской, другие смело. Последние убеждали себя, что их долг – заполнить пробелы, которые могут существовать в этой религии; а их преемники, еще более смелые, утверждали, что в целом писания апостолов неполны, что догмы изложены лишь в зародыше и что они должны получить из рук философии не только систематический порядок, которого им недостает, но и все развитие, которое они влекут за собой.

Позже другие врачи, верные древним традициям святилищ и школ, перенесли в христианство эту линию разграничения между эзотерическим учением и экзотерической доктриной, которую новая система должна была уничтожить. Таким образом, они восстановили перед святой святых завесу, некогда разделявшую мастеров и вульгарных людей, завесу, которая, как показало христианство, была разорвана в процессе выполнения миссии его основателя. «Труды апостолов, – говорили синкретисты с энтузиазмом, который так хорошо сочетается с самозванством и скрывает его от самих себя, – могли указывать только на статьи вульгарной веры¹, когда они были адресованы всем; напротив, они передавали тайны науки высшим умам, избранным». Эти тайны, как утверждалось, передавались из поколения в поколение в эзотерических традициях², и, заимствуя для обозначения этой науки слово «гнозис», которое апостолы использовали для обозначения превосходства знания, которое дает откровение, они искусно приукрашивали утверждение, что получили его от учеников этих выдающихся людей. Это был большой соблазн для простых христиан. Другое дело, что философы язычества заимствовали у древних школ, деливших своих приверженцев на несколько классов, идею двойного учения.

Однако гностики не ограничились пустым разграничением; они действительно создали учение, отличное от вульгарного, и изложили его с такой смелостью, что история человеческих спекуляций уже не предлагает ничего подобного их концепциям. Действительно, выходя за пределы чувственного мира, они претендовали на погружение в лоно мира интеллектов и в бездну божественной силы, из которой исходят все существа, несущие небесный луч, и в которую, по их утверждению, все существа должны однажды вернуться.

Когда, по их словам, доктрины апостолов противоречили тем, которые гностики черпали из Платона или Филона, из Зенд-Авесты или Каббалы, исторические комментарии и пас-тырские послания основателей христианства были усечены, интерполированы и фальсифицированы; и хранителям эзотерического учения, ключа к тайнам, предстояло восстановить изначальную чистоту текстов. Некоторые из них провели эту так называемую реставрацию, используя самые произвольные процедуры.

Гнозис или гностицизм, происхождение, разновидности и влияние которого на другие современные системы мы сейчас опишем, был, таким образом, не чем иным, как введением в лоно христианства космологических и теософских спекуляций, составлявших наиболее значительную часть древних религий, в сочетании с египетскими, греческими и иудейскими доктринами, которые, в силу своей серьезности, имели наибольшее сходство с христианством, и которые новые платоники также приняли на Западе.

Не стоит возражать, что в этом случае гностицизм был не более чем своеобразной мозаикой, составленной из наиболее примечательных догм всех этих систем. Сравнивать произведения разума с произведениями вульгарного механизма – это всегда плохое обращение с разумом; и было бы особенно некрасиво по отношению к необыкновенной смелости гнозиса рассматривать его с этой точки зрения.

Гностицизм не является оригинальной системой, и его можно оспорить как философскую систему; но из всех доктрин, созданных древним миром, он является самым богатым и смелым. Это не один из тех сводов логических аргументов, к которым нас приучили греки, сформировавшие Запад; это восточная метафизика, система древних интуиций. Ее дух формируется не принципом выхода за пределы чувственного мира и создания умопостигаемого мира, объясняющего историю или драму; это принцип не сомневаться ни на мгновение, никогда не опускаться до диалектики. Мистицизм до христианской веры имел тот же характер; но он породил лишь мифологию и символизм, которые оставили все загадки. Гнозис отвергал все формы и традиции, которые не предлагали решений; какими бы веселыми, изящными и возвышенными они ни были, если они ничему не учили, он попирает их ногами с тем серьезным и серьезным духом, с которым христианство учило мир, со всей антипатией к софистической аргументации, которую оно противопоставляло школе Сократа, как та противопоставляла его другим. С одной стороны, он избегал антифилософских аспектов мифологии; с другой – антидогматических аспектов философии. Гнозис объединил некоторые из самых сильных верований христианства с учениями Востока, Египта и Греции, и представил ряд догм по всем вопросам, которые может охватить человеческий разум, принципы которых спорны как для философа, так и для христианина, но которые мощно взаимосвязаны и авторитет которых был огромен. Основополагающими учениями гностицизма являются эманация всех духовных существ из лона Бога, постепенное вырождение этих существ от эманации к эманации, искупление и возвращение всех к чистоте Творца, и, как только первобытная гармония всех восстановлена, счастливое и поистине божественное состояние всех в лоне Бога. Уникальная смесь монотеизма и пантеизма, спиритуализма и материализма, христианства и язычества, эта система ничего не оставляет без внимания.

Понятно, что ее точка зрения не допускает рассуждений, свойственных западному уму; ее доктрины диктует гений Востока с его созерцаниями, иррадиациями и интуициями. Она обладает всем великолепием, всеми недостатками и всей подвижностью образного стиля, и в ее

к счастью быстрой судьбе, ибо она была не более чем большим анахронизмом, не раз случалось, что ученики утверждали в качестве общепринятой догмы то, что для мастеров было не более чем аллегорией.

Такова, как правило, судьба систем, зародившихся в Азии и Африке³.

Кроме того, для некоторых умов нет ничего более соблазнительного, чем такого рода спекуляции. Действительно, гностицизм имеет такой двойной характер: его не останавливают никакие авторитеты, никакие трудности. Он с состраданием относится к религии вульгарных людей: она хороша для нищих духом, которые не могут подняться выше грубой буквы, написанной по-иудейски и истолкованной по-иудейски. Он презирает вульгарную философию, которая, по словам ее величайшего толкователя, знает только одно, а именно то, что она ничего не знает, потому что рассмотрела все с двух сторон. Он объясняет не только, что такое вещи, но и как они появились. Вернее будет сказать, что он не объясняет, а показывает. Смотрите, – говорит он, – смотрите, как из огромного средоточия света исходит свет, распространяя повсюду свои благотворные лучи: так духи света исходят из божественного света⁴. Видите также, – вызывает он, – все источники, питающие землю, украшающие, оплодотворяющие и очищающие ее; они исходят из одного необъятного Океана: так из лона божества исходят столь многие реки⁵, образуя и наполняя мир интеллектов⁶. Посмотрите, – говорит он, – на числа, которые все происходят от первобытного числа, все похожи на него, состоят из его сущности и при этом бесконечно разнообразны; посмотрите на голоса, которые разбиты на столько слогов и элементов, все содержатся в первобытном голосе и при этом разнообразны без всякого предела⁷: вот как мир интеллектов происходит от первобытного интеллекта, как он похож на него и при этом предлагает бесконечное разнообразие существ.

Это не христианство, и это не одна из известных систем.

Поэтому гностицизм – такая же оригинальная доктрина, как и любая другая. В действительности, как и все системы, он является продуктом совершенно особого набора идей и потребностей⁸.

Этим объясняется количество его последователей и разнообразие его ответвлений.

Какое-то время гностики были настолько многочисленны и могущественны, что грозили вторгнуться во все христианское общество; и чем большим энтузиазмом и знаниями они обладали, тем легче они привлекали простые умы и смущали даже тех, кто не был таковым. Если они и уступили силе учения, на исправление которого претендовали, то только после шести веков борьбы и под воздействием самых строгих законов; но и после этого они оставили после себя множество следов, так как гностицизм окончательно угас только в тринадцатом веке нашей эры.

В истории религиозной и философской древности, как мне кажется, нет более любопытных вопросов, чем вопросы о зарождении, развитии и учении различных школ, и если нам удастся выяснить их истинное происхождение, основополагающие принципы и моральное или политическое влияние на мир, мы, возможно, прольем новый свет на те века, чьи интеллектуальные труды сегодня несколько презрительны, но которые по-прежнему представляют собой самое впечатляющее зрелище, способное поразить человеческий разум: древний Восток, древний Запад и христианство в борьбе. Действительно, это великое зрелище – видеть, как высочайшие учения Азии, Египта и Греции подвергаются нападкам и низвергаются христианством; затем старые доктрины мира, воскрешенные гностиками, борются с победителем и перенимают некоторые из его принципов, чтобы лучше бороться с другими; наконец, Церковь привлекает против них труды своих врачей, собирает на соборы своих самых выдающихся епископов, вооружает строгостью своих самых могущественных князей.

Бой был серьезным. Прежде всего, она давно готовилась.

Ее подготовили: зороастризм, соединившийся с иудаизмом в Персии и породивший каббалу в Сирии; иудаизм, связавшийся в Египте с платоновскими доктринами и породивший

греко-филоновскую философию; наконец, эта философия, вторгшаяся в христианство и принесящая ему свой язык и часть своих идей.

Гностицизм, по сути, есть не что иное, как последний облик античного мира, пришедшего сразиться со своим преемником, прежде чем уступить ему человеческий род.

С тех пор как современная Европа стала искренне интересоваться античностью, несколько выдающихся писателей занимались гностиками. Ле Нен де Тиллемон⁹, Бособр¹⁰ и Мосхайм¹¹ первыми опубликовали солидные научные труды по их доктринам. Завоевания, совершенные после них в Азии и Африке, открытие Вед, Зенд-Авесты, Кодекса назареев и нескольких подобных сочинений¹², однако, выставили древние доктрины Востока в таком новом свете, что перед гностицизмом открылась новая карьера, и вскоре, начиная с этой второй эпохи, последовала новая серия важных сочинений о гностиках, сменяющих друг друга. Мы упомянем лишь труды господ Левальда¹³, Неандера¹⁴, Хана¹⁵ и Фульднера¹⁶, которые вызвали ряд очень интересных критических замечаний¹⁷. Кроме того, среди работ, посвященных истории философии или христианства, были и такие, в которых гностикам уделялось особое внимание¹⁸.

Однако, несмотря на всю помощь, которую смогли оказать вновь открытые источники, в истории гностицизма по-прежнему оставались огромные пробелы. Настоящие источники, труды гностиков, были полностью утрачены, за исключением нескольких фрагментов, сохранных их противниками, и в плане текстов мы были сведены к полемическим произведениям Отцов.

Нет такой доктрины, которая согласилась бы судить о себе на основании подобных документов: Ибо, каким бы щедрым ни был противник, он не представляет и не может представить свое дело как убежденный человек; и что приятно в системе, при отсутствии более сильных аргументов, так это вера или, по крайней мере, добрая вера, очарование которой исчезает под пером противника.

Что касается ученых и благочестивых антагонистов гностиков, то они не только не имеют привычки опираться на источники, большинство из которых более поздние, чем доктрины, с которыми они борются, но и говорят открыто с враждебностью, которой они хвастаются. Как мы увидим, ни один из них не имел намерения передавать полные сведения.

Агриппа, открывший битву, сражался только против учения Василида, и его сочинение утрачено, как и сочинения Филиппа Гортинского и Модеста против Маркиона.

Иустин Мученик, чьи сведения совпадают с их, родился в греческой семье и, воспитанный в платонических доктринах, всегда сохранял что-то от своего раннего философского образования; однако, когда он во второй части своей Апологии заговорил об одном из предшественников гностицизма, Симоне-волхве, он не смог сдержать своей сильной антипатии к этому синкретисту. Его сочинение против Маркиона было утеряно.

С. Иреней, который после него был древнейшим противником гностиков, опубликовал обширный труд против них в пяти книгах, но только первая дошла до нас полностью, а из остальных мы располагаем лишь фрагментами и переводом.

Родившийся, по-видимому, в Малой Азии в греческой и христианской семье, св. Иреней процветал в то же время, что и основные школы гностиков¹⁹. Один из самых ученых людей своего века, он был знаком с сектами Церкви, светскими школами, традициями мифологии и трудами философов; а поскольку он унаследовал христианство от Поликарпа и Папия²⁰, учеников святого Иоанна, он имел лучшее учение в сочетании с самыми чистыми текстами. Поэтому он был полон ревности к этой доктрине, и едва ли в его время появлялось какое-либо новое учение, которое он сразу же не исследовал и не боролся с ним. В ходе дискуссий, разгоревшихся вокруг монтанистов, именно его лионская община попросила отнести свои письма в Рим. Когда Бластус высказался в пользу восточного обычая празднования Пасхи, он опроверг его. Когда Флорин объявил себя сторонником монархистов, именно он отделил его от этой

партии. Когда позже тот же врач принял систему Валентиниана, именно он самым решительным образом напал на нее²¹. Когда Маркион в конце концов заявил, что апостолы неправильно слышали своего учителя и что, в свою очередь, их ученики изменили апостольские писания, именно он показал, в чем заключается истинное учение христиан²². Когда язычники обвиняли христиан в каком-то варварском отвращении к письму и наукам, именно он пытался доказать, что истинная наука гораздо выше, чем они думали²³. Преимущество Иренея перед многими христианскими авторами заключалось в том, что он был хорошо знаком с поэтами и философами²⁴, а Тертуллиан тем более вправе назвать его заядлым исследователем всех доктрин, поскольку он следовал им с большей умеренностью в своих суждениях. Однако весь его труд, труд, в котором ничто не блесит, в котором ничто не выдает страсти, дышит еще большей ненавистью к ереси, чем любовью к истине²⁵.

После него против гнозиса выступили три самых выдающихся писателя, и, несомненно, именно они понимали его лучше всего.

К сожалению, книга первого из них, Феофила Антиохийского, против Маркиона, утеряна, а фрагмент книги Родона сохранился, о чем мы мало сожалеем.

С. Климент Александрийский, второй, напротив, оставил значительный труд. Рожденный в язычестве, воспитанный в Афинах, затем в Азии и, наконец, в Александрии, центре гностицизма, он был в лучшем положении, чем любой другой христианин, чтобы дать верное представление об этом учении. Но как глава школы обучения, которую христиане основали в Александрии, чтобы она могла дать им людей, способных бороться как с философами, так и с еретиками, святой Климент, всегда находясь в присутствии гностиков, смог нарисовать верную картину этой доктрины. Климент, всегда находясь в присутствии врага, то сталкиваясь с философами, которые возрождали традиции мифологии, чтобы объединить их с умозрениями метафизики, то сталкиваясь с энтузиастами, которые путали теории Персии, Халдеи и Египта с христианством, Климент, если он постоянно изучал историю философии, еще более постоянно думал о том, чтобы противопоставить ей систему веры. Его труды, особенно «Строматы»²⁶, – неисчерпаемая копилка античных сокровищ; но в отношении гностиков его тактика настолько тонка, что может привести к ошибке. Действительно, играя словами, он дает меньше информации о гностиках в целом, чем утверждений об особых гностиках, как их понимает автор, то есть о весьма продвинутых христианах.

[Трактат Ипполита, принявшего мученическую смерть при императоре Александре, направленный против Маркиона, утрачен; трактат против Валентиниана Геликса, который приписывается ему в сборниках Канисия и Сирмонда, вероятно, принадлежит не ему; его книга против еретиков, которую читал Фотий и которую он делает известной (cod. 131), кажется, была лишь извлечением из книги Иренея: поэтому из нее нельзя извлечь ничего нового].

Третий из этих писателей, Ориген, подражатель святого Климента и более ученый, чем он, оставил сведения о гностиках, которые заслуживают большого доверия. Ученик философа Аммония²⁷, великий человек и учитель с юности²⁸, просвещенный критик и философ, снисходительный к ошибкам других, потому что сам пострадал за свои, и справедливый с тем большей деликатностью, что сам был менее деликатен, Ориген, чьим светом восхищались в Аравии, Сирии, Каппадокии и Греции, и который находился в присутствии главных врачей и философов своего века, обязательно был беспристрастным писателем, и никто не знал гностиков лучше, чем тот, кто имел заветного ученика, чтобы спорить с ними²⁹. Поэтому его «Комментарии к Священному Писанию», книга против Маркиона, трактат о молитве и труд против Цельса, полный подробностей о гнозисе, являются одними из самых чистых источников, по которым можно изучать эту доктрину. Но если они ценны для познания религиозных сект, то, тем не менее, они имеют и противника.

Евсевий Кесарийский, лучший историк первых веков христианства и единственный, оставшийся нам после утраты Комментариев Гегезиппа, также заслуживает нашего доверия, когда говорит о гностиках, которые еще процветали в конце третьего века и в начале четвертого, были тогда распространены по всей Кесарии, и которых Евсевий, пишущий историю по памятникам и чаще всего приводящий выдержки из сочинений, с которыми он советовался³⁰, изображает с достаточной степенью достоверности. Несомненно, однако, что в своих сочинениях они предстали бы в ином свете и не признали бы его портретов.

С. Ефрем, написавший пятьдесят два гимна против Вардесана, Мар-киона и Манеса, происходил из нисибисской школы, которая, наряду с эдесской, антиохийской и александрийской, была одной из лучших в христианском мире в первые века. Он был учеником святого Иакова Нисибийского, который боролся с ересями того времени, и вокруг его колыбели исповедовались восточные доктрины, породившие гностицизм. Более того, некоторые христианские врачи, как и многие верующие Сирии, путали эти мнения со своей религией, вплоть до того, что считали ортодоксальными гностические гимны Бардесанеса и его дочери Гармонии. Поэтому никто, кроме сына абнильского жреца, не мог с полным пониманием говорить о гнозисе; но Ефрему не пришлось в голову излагать эту доктрину. Будучи простым священным поэтом, этот автор ограничился сочинением антигностических гимнов, заботясь о сохранении принятых мелодий, чтобы его песни легче было принять.

С. Епифаний и Феодорит, которые были позже Ефрема, и из которых первый умер в начале четвертого века, а второй в середине пятого, посвятили истории гностиков самые обширные труды, которые мы имеем об этих теософах³¹; но, хотя они оба были учеными людьми и сами видели обломки гностических школ³², их сведения полны ошибок.

На том расстоянии, на котором они находились от истоков великих школ, они путали места, времена и людей; и история может лишь с большой осторожностью принимать их данные, особенно в отношении С. Епифания, который классифицирует несколько школ вместе. Епифаний, который объединяет несколько различных сект.

Поскольку гностические доктрины не получили широкого распространения на Западе, и несмотря на попытки, предпринятые в латинской Африке, Риме, Испании и южной Галлии, латинские писатели предлагают историкам лишь вторичные источники.

Тертуллиан, современник св. Ириней³³ и св. Климента Александрийского, оставил нам трактаты против валентиниан и маркионитов, а также подобных сектантов, в которых ораторская декламация исключает философское исследование.

Сведения, которые мимоходом сообщает Киприан о некоторых гностиках, и те, что сеет Августин в своем труде против манихеев и в своих книгах против ересей, более точны; но те, что излагает С. Филастр в своем трактате о ересях, по большей части настолько ошибочны, что к ним следует прибегать лишь с крайним недоверием³⁴, даже если этот автор предшествует С. Августину.

Мы не говорим здесь о некоторых писателях слишком второстепенного порядка, или о тех, кто дает слишком мало подробностей о гностицизме. Мы познакомимся с ними в ходе нашего исследования, и закончим этот обзор авторов, передавших нам гностическую доктрину, указанием на то, что 1° некоторые из них являются более поздними, чем школы, о которых они нам рассказывают; 2° что все они ставили своей целью борьбу с ними, и 3° что гностицизм был бы представлен с бесконечно большим преимуществом, если бы мы могли еще изучать его в трудах Василида, Валентинуса и Маркиона.

В самом деле, что придает самой прекрасной системе древности, системе Платона, ее внушительный характер, так это стиль человека, передавшего ее нам. Оставьте «Диалоги», возьмите в руки изложение, в котором анализируется или оспаривается его доктрина, и ваш энтузиазм будет угасать с каждой страницей. Однако с вами будет говорить друг Платона, тогда как гностические теории всегда излагаются нам их антагонистами. В этом, несомненно, при-

чина холодности, которую так долго исповедовали по отношению к порядку идей, сочетающему в себе с идеями Пифагора и Платона все богатство теософов Персии и Индии и, наконец, нечто от сурового характера, который христианство все еще оставляет даже тем, кто его изменяет.

Правда, гностики оставили некоторое количество памятников, или, скорее, загадок, под которыми я подразумеваю те выгравированные камни, которые иногда называют Абракас, иногда Василидиан; но эти памятники не только все символические, почти все они еще подлежали расшифровке, и после неудачных попыток толкования Мака-рием, Шиффле и Монфоконом они были более или менее оставлены. Хотя Мюнтер³⁵, М. Беллерманн и Копп³⁶ вновь попытались интерпретировать их, они, возможно, недостаточно учитывали в своей работе систему в целом, в то время как другие современники, сосредоточившись исключительно на текстах, полностью игнорировали памятники.

Поскольку гностики почти не оставили письменных свидетельств, поскольку древнейшие авторы относились к ним с явной антипатией, и поскольку новейшие авторы не привнесли в историю своей системы сравнительного изучения текстов и памятников, новый пересмотр тех и других стал необходим.

Что касается нас, то если мы и попытаемся это сделать, то только освещая памятники через тексты, мы надеемся воспроизвести более правдивый образ гностицизма.

Это один из тех пережитков древности, к которым следует относиться с тем большей щедростью, чем более пренебрежительно к ним относятся века. В своем нынешнем виде он, пожалуй, поучителен даже в силу чудовищной дерзости; и сейчас, когда мы возвращаемся к христианскому или, скорее, христианизированному пантеизму, как никогда важно увидеть, к чему привела эта система. В любом случае, в судьбе человеческой расы, по-видимому, заложено, чтобы наш ум упражнялся на обломках прошлого, а не на всей совокупности его мыслей и дел. Если труднее, то и приятнее восстанавливать древние доктрины на основе неполных данных, чем брать их целиком из трудов тех, кто их придумал.

Со своей стороны, эти соображения поддерживают меня в исследовании, которое сами трудности делают более привлекательным.

Моя работа делится на три основных вопроса: 1° происхождение гностицизма; 2° преемственность и доктрины его различных школ; 3° влияние, которое они оказали на современные школы.

Книга первая. Общая классификация гностиков и происхождение гностицизма.

Глава I. Классификация

Гностицизм, как мы видели, по сути своей эклектичен, и хотя во всех своих подразделениях он претендует на привилегию высшей науки, он далеко не всегда является полностью исключительным, он всегда объединяет несколько систем.

Множество основанных им школ можно свести к пяти основным группам, ни одна из которых не была по-настоящему исключительной.

Первая группа, состоящая из небольших примитивных школ, возглавляемых Церинфом или Симоном, сочетала христианство с доктринами, заимствованными из иудаизма, греческого политеизма и Востока.

Вторая группа, образованная школами Сирии, сочетала христианство с некоторыми фундаментальными идеями Востока.

Третья группа, состоящая из великих школ Египта, в некоторых своих подразделениях была враждебна иудаизму, но в ее учениях сочетались доктрины Азии, Египта и Греции.

Четвертая группа, малые школы Египта, следовала аналогичным путем.

Пятая группа, маркиониты, также была очень враждебна к иудаизму, но добавила в христианство некоторые восточные идеи.

Последняя группа, состоящая из тех, кто исповедовал принципы Климентинов, была бы противниками многобожия, сочетая иудаизм и элементы, заимствованные с Востока, с христианскими принципами; но Климентины представляют только одного писателя или одну партию христиан-иудаистов.

Как мы видим, гностицизм был эклектичен во всех своих подразделениях, и терпимость, если не универсальная, то, по крайней мере, необычная для своего времени, является одной из его наиболее фундаментальных характеристик. Вера в то, что божество проявилось в религиозных институтах всех народов, разрешала заимствования повсюду; но убежденность в том, что это проявление нигде не было совершенным и не открывало верховного Бога, давала всем системам более или менее равную свободу. Суть гностицизма всегда заключалась в этом великом явлении открывателя Верховного Бога, иными словами, в фундаментальном догмате христианства. Однако гностики видоизменяют этот догмат по своему усмотрению в соответствии с другими системами, из которых они черпают, и черпают в такой разной степени, что иногда к христианской основе примешивается иудаизм Александрии или Иерусалима, а иногда восточная, египетская или греческая теогония.

Тем не менее, этот фон всегда доминирует.

Этот эклектизм, столь мирный в разгар ожесточенной борьбы между язычниками, иудеями и христианами, — одно из самых любопытных явлений того времени. При каких обстоятельствах и в каких местах он был задуман, из каких элементов была составлена эта система терпимости в тот самый момент, когда самое исключительное учение из всех, христианство, стремилось подчинить себе умы?

Этот великий вопрос должен быть решен в первую очередь, поскольку от его решения зависит вся история гностицизма.

Чтобы решить его, давайте начнем с определения истоков гностицизма и посмотрим, какие элементы привнесла в него каждая из систем, питавших его младенчество.

Истоки гностицизма находятся в Египте, в городе Александрия, и утверждается, что гностицизм произошел от системы одного еврейского философа из этого города.

Эта гипотеза, правда, сегодня вызывает сомнения, и, напротив, вполне вероятно, что именно в Сирии и даже в Палестине следует искать истинную колыбель гностиков, как мы увидим в остальных главах этой книги. Однако несомненно то, что языком большинства этих врачей был греческий. Правда, это был не диалект Аттики и вообще не язык политеизма; это был

скорее диалект Египта, или, в частности, тот греческий, который преобладает в Септуагинте, Новом Завете, Филоне, в целом среди эллинизирующихся евреев и который иногда называют эллинистическим языком. Однако факт остается фактом: мы находимся на греческой земле, и именно она является истинной отправной точкой для поиска истоков гнозиса.

Поскольку существует поразительная аналогия между доктринами египетского Филона и нескольких гностических школ, а кроме того, город Александрия был резиденцией самой известной из этих школ, уместно начать наше исследование именно с него.

В то время, когда гностицизм возник на основе зарождающегося христианства, Александрия была домом для трех философских и религиозных школ: греческой, египетской и иудейской. Давайте сначала рассмотрим элементы, которые каждая из них могла предоставить.

Глава III. Чисто греческое происхождение

Александрийская светская школа в это время, в принципе и несмотря на все влияния и изменения, которые она претерпела, была исключительно греческой, как и сама Греция³⁷. Ее покровители, Лагиды, возможно, задумали несколько проектов по слиянию греческих и египетских религиозных институтов; что же касается ученых Музея, то нет никаких следов того, что они сделали хоть один заметный шаг в этом направлении. Египтяне придерживались той же позиции по отношению к греческим доктринам, и оба населения, далекие от слияния, продолжали до времен Филона жить в разных кварталах, одно вблизи Серапиума, другое в Брухиуме. Поэтому греческая школа Александрии могла дать гностицизму только те же элементы, что и Греция в целом.

Все показывает, что эти элементы были сведены к нескольким техническим терминам, нескольким философским идеям и нескольким культовым церемониям.

Технические слова Γνώσις и Γνωστικός, действительно, заимствованы из общего языка Греции; но сомнительно, чтобы они хоть раз встречались у древних авторов в том особом значении, которое они получили у гностических писателей. Что касается слова Γνωστικός, то оно встречается очень редко. Более часто встречающееся слово Γνώσις обычно имеет лишь очень простое значение знания. Именно так оно встречается у Геродота и Демосфена, а также у Аристотеля и Лукиана.

Однако язык и институты мистических философов Греции, как мне кажется, подготовили некоторые идеи и использование гностицизма. Пифагор, который допускал своих учеников к высшим учениям только после длительного испытания³⁸, придавал слову Γνώσις значение, весьма сходное с тем, которое приписывали ему гностики: он понимал его в смысле созерцания и изучения Бесконечного, Вечного, и, согласно Проклу, главным элементом Λόγος ἁλτορρήτορ школы Пифагора было учение о Боге, то есть знание о верховном Боге. В этом же заключалась великая тайна гностиков.

Более того, Пифагор, путешествовавший по Египту, если не по центральной Азии³⁹, и повсюду видевший преграду, воздвигнутую ранее между наукой народа и наукой мудрецов, называл спекулятивную или трансцендентную часть философии Επιστήμη или Γνώσις τῶν ὄντων⁴⁰, и в этом качестве он может по праву рассматриваться как своего рода предшественник религиозного гнозиса или, по крайней мере, как создатель философского гнозиса.

Греческий философ, наиболее склонный к мистицизму после Пифагора, Платон, также учился в Египте, и если он не привез с собой науку о святилищах этой страны, то, по крайней мере, усвоил там великое различие между этой наукой и наукой вульгарной. Согласно греческим традициям, только войны помешали этому Мудрецу продолжить свои путешествия по Азии, где он нашел бы то же самое различие между посвященными и профанами. Как бы то ни было, он перенес его в свое учение, и это неудивительно, поскольку он, с одной стороны, унаследовал учение Пифагора, а с другой – черпал из тех же источников, что и Пифагор⁴¹.

Поэтому он часто говорит о высшей науке, которую называет Γνώσις или Επιστήμη τῶν ἀληθῶν καὶ ὄντως ὄντων⁴², и в его глазах единственные вещи, которые реальны, это идеи или типы, интеллекты, в соответствии с которыми были созданы все те видимые вещи, которые являются лишь столькими преходящими явлениями. Истинная философия, таким образом, есть познание интеллектуального мира. Именно так гностики говорят о высшем предмете своей науки. Как и Платона, их главным образом интересует ὄν, то, что само по себе вечно, неизменно, единственно совершенно, и чьи развертывания или эманации, которые они называют эонами, соответствуют платоновским идеям.

Платон называет свои идеи ἀρχαί, принципами, ἑνάδες или μόναδες, единицами. Именно из них были созданы множественности, πόλλα. Мы увидим, как некоторые гносеологи

заимствуют у него этот особый язык. То же самое можно сказать и о словах *πάτηρ τοῦ παντός, μήτηρ τοῦ παντός, κόσμος νοητός*.

В одном из своих менее мистических сочинений этот философ даже использует слова «гностическая наука»⁴³.

Итак, между Платоном и гностиками аналогия не только в словах или определениях науки, но и в вещах. Действительно, доминирующие доктрины платонизма встречаются в гностицизме. Эманация разумных существ из лона божества; заблуждения и страдания духов, пока они далеки от Бога и заключены в материи⁴⁴; тщетные и долгие усилия достичь познания истины и вернуться к своему первобытному единству с Высшим Существом; союз чистой и божественной души с иррациональной пазухой, которая является местом злых желаний; ангелы или демоны, населяющие планеты и управляющие ими, обладающие лишь несовершенным знанием идей, руководивших творением; возрождение всех существ путем их возвращения к *κόσμος νοητός* и его главе, Верховному Существо, единственно возможный путь к восстановлению той первобытной гармонии творения, образом которой была сферическая музыка Пифагора: таковы аналогии между двумя системами.

Что, пожалуй, наиболее поразительно в этом любопытном параллелизме, так это сходство между состоянием души в этом мире, согласно «Федоту», и положением земной Софии, оторванной от Плеромы в результате ее ошибок, согласно гностической доктрине.

Что касается идей и языка, то именно у Пифагора и Платона мы находим самые древние элементы гностицизма в Греции.

Что касается культовых учреждений или использования интеллекта, то различие между вульгарной и высшей наукой гораздо древнее, и если мы вернемся еще дальше, то обнаружим еще более древние семена гностических доктрин.

Действительно, если слово *Γνώσις* не имело до Пифагора и Платона особого значения таинственной науки, то эта наука существовала среди греков не меньше, чем до этих двух философов. Общая традиция приписывала высшую науку не только святилищам Фракии, Самофракии и Элевсиса, но и целой цепи священных поэтов, которые считались своего рода школой Орфея.

В более поздние времена даже Гесиод и Гомер были включены в число этих хранителей древней и возвышенной мудрости, и тайны самой глубокой теософии всегда можно было найти в их традициях и мифах. Некоторые современные историки разделяют это мнение и видят в первом из этих поэтов своего рода посвященного в мистерии Эфеса, Финикии или Египта – гипотеза, которую мы отнюдь не разделяем.

Как бы то ни было, различие между эзотерическими и экзотерическими доктринами всегда сохранялось среди греков; и те из философов этой страны, кто не установил его в своем учении, не снискали наибольшего почитания. Этот народ, столь легкомысленный внешне и склонный к интригам политики, удовольствиям искусства и разнузданности мысли; этот народ, столь философски настроенный, который однажды обнаружил, что от его древней религии не осталось ничего, кроме пышности поклонения, тем не менее сохранил вплоть до недавних времен какое-то инстинктивное уважение к мистическим доктринам. Оно даже вернулось к ним в философских школах. В самом деле, со времен учения Антиоха он уже не желал всерьез привязываться в философии к чему-либо, кроме пифагорейства и платонизма.

Уже давно, то есть со времен Александра, греки были знакомы с Востоком и видели там учения более глубокие или, по крайней мере, более мистические, чем те, что существовали в их школах и святилищах. Но, долгое время обольщаясь теми теориями анализа и критики, которые так очаровывают интеллект, они презирали верования, с которыми так энергично боролся скептицизм. Когда, наконец, скептицизм сделал свое дело, когда все институты и доктрины Древней Греции были сведены на нет, греки потребовали позитивных учений, догм и мисте-

рий от всех регионов и школ, от египетских и азиатских, а также от древних Фракии, Сицилии и Аттики.

Именно в такой ситуации гностики нашли доктрины и умы Греции первого века нашей эры, особенно в Александрии, и ухватились за учения этой страны, а также Египта, Персии и Индии, священных стран, чьи умозрения в их глазах шли рука об руку с христианством.

Возможно, однако, что они черпали даже больше из еврейской школы, чем из греческой школы в Александрии.

Один из критиков, Хорн, высказал гипотезу о происхождении гностицизма, которая заслуживает нашего внимания. Чтобы отличить, говорит он, восточные доктрины от греческих, которые были столь различны по своей природе, греки приняли для обозначения первых слово Γνῶσις, которое было эквивалентом παλαιά φιλοσοφία и того ἀ'ἀνατολική φιλοσοφία, которое встречается в других местах⁴⁵. Этими выражениями они должны были обозначить почитание, которое они исповедовали Востоку, и своего рода превосходство, которое они приписывали его доктринам над доктринами древней Греции, и именно александрийская школа впервые использовала эту терминологию, чтобы противопоставить глубокий гнозис Азии простой философии Европы⁴⁶!

Эта гипотеза совершенно лишена доказательств; ведь С. Климент и С. Климент и Златоуст, которые цитируются в ее поддержку, не говорят ничего из того, что их заставляют говорить, и уж точно не греческим писателям Александрии в первом веке нашей эры следует приписывать мнение, возвышающее Восток над Грецией. Если позднее, во времена Аммония Саккаса, Плотина и Порфирия, некоторые философы греческого Египта и придерживались этой мысли, то во времена первых гностиков дело обстояло иначе. Правда, можно сказать, что в Александрии слову Γνῶσις было придано более специальное значение; но новый смысл этого технического слова мы должны искать не в греческой, а в иудейской школе этого ученого города. Это изменение слова связано с огромным изменением мнений.

И действительно, иудейско-греческая школа Александрии, известная нам только благодаря двум своим лидерам, Аристокбулу и Филону, задумала и отчасти осуществила один из самых замечательных эклектизмов. Принадлежа к Азии по своему происхождению, к Египту по месту жительства, к Греции по языку и занятиям, она знала мнения Востока лучше, чем греческая школа, и ее ученость позволила ей сыграть важную роль в борьбе идей. Вот как Аристокбул и Филон, которые прежде всего были привязаны к древней религии своих отцов, оба решили, чтобы обогатить ее и придать ей блеск в глазах других народов, украсить ее трофеями других систем и открыть для иудаизма путь к огромным завоеваниям. Аристокбул, первым

Похоже⁴⁷, принял теорию толкования, которая позволила ему ввести в учение своего народа все, что он находил хорошим в других местах; другими словами, в силу этого метода он объявил все факты и детали священного кодекса евреев аллегориями, скрывающими глубочайший смысл. В духовном комментарии к Закону он, таким образом, придал Моисею идеи, которые тем более могли понравиться грекам, что принадлежали их величайшим писателям⁴⁸.

Но, не признавая превосходства последнего, он утверждал, что Платон почерпнул свои лучшие идеи из еврейских книг.

Он пошел дальше. Чтобы показать своим современникам и будущим поколениям, что самые уважаемые греческие авторы учили тому же, что и Моисей, он сочинил стихи под именами Орфея и Линуса, Гомера и Гесиода, в которых изложил иудейские принципы⁴⁹.

Более того, Аристокбул считался философом школы Аристотеля; по крайней мере, на это указывает его прозвище Peripateticus⁵⁰.

Филон, живший через столетие после него, по-видимому, унаследовал его идеи как одно из наследий, передаваемых тайными школами. Поэтому он приложил все усилия, чтобы использовать аллегорическую систему для того, чтобы Кодекс иудеев казался истинным источником всех религиозных и философских доктрин⁵¹. Правда, он признавал, что в нем есть

буквальный смысл, поскольку Бог пожелал приспособиться, по его словам, к слабому интеллекту своего народа. Однако этот смысл, который первым приходит в голову любому читателю, предназначен, по его словам, только для вульгарных. Тот, кто размышлял над философией, очищал себя добродетелью или возвышал себя созерцанием к Богу и интеллектуальному миру и получал его вдохновение, пронзает грубую оболочку письма, открывает для себя совершенно иной порядок вещей и посвящается в тайны, о которых элементарное или буквальное учение дает лишь несовершенную тень. Здесь это исторический факт, там – образ, далее – слово, буква, число, обряд, обычай, притча или видение пророка, которые скрывают самые глубокие истины. И только тот, кто владеет ключом к науке, может интерпретировать все в соответствии со своим светом⁵².

Давайте судить на примере. Установив, что в известном законе, требующем, чтобы одежда, отданная должником кредитору, была возвращена ему на ночь, под одеждой мы должны услышать слово человека, он добавляет: «Если я долго объяснял это, то лишь для того, чтобы показать, что созерцательная душа, ведомая неравномерно, то к богатству, то к бесплодию, хотя всегда ходит, просвещается примитивными идеями, лучами, исходящими от «высшего разума (ταῖς ἀρχετύποις καὶ ἀσωμάτοις ἀκτίσι), всякий раз, когда она поднимается к возвышенным сокровищам. Когда же, напротив, она опускается и оказывается бесплодной, она попадает в область тех интеллектов, которые мы привыкли называть ангелами...; ибо как только душа лишается света Бога, ведущего ее к познанию вещей, она наслаждается «лишь слабым и вторичным светом, который «дает ей уже не понимание вещей, а понимание слов, как в этом низком мире (κάτω κόσμῳ)»».

Все, что Филон оставил из религиозных и философских трактатов, покоится на этой основе; везде воспроизводятся одни и те же идеи, одни и те же взгляды.

Источником, из которого он черпает все то, что он привносит в священные книги своего народа, является не знаю какая высшая наука, которой, по его словам, обладают только посвященные, и если он не использует слова Γνώσις и Γνωστικός в том же смысле, что и гностики, то его идеи – это идеи гностицизма. В этом отношении между ним и греческими философами существует большая разница.

Отрывок из его «Трактата о херувимах» покажет, насколько мистическими являются его теории. Сказав, что под женщиной мы должны аллегорически понимать (τροπικῶς) чувствительность (αἰσθησίν) и что, отдаляясь от нее, человек обретает науку; очень аллегорически рассуждая о некоторых союзах, цитируемых в Пятикнижии, он вдруг восклицает: «Пусть узколюбые люди удалятся, заткнув уши. Мы передаем божественные тайны тем, кто получил священное посвящение, тем, кто исповедует истинное благочестие, кого не сковывает тщеславное устройство слов или престиж язычников! За этим восклицанием, подобным тому, что предвзяло празднование таинств у греков, следует весьма мистическое объяснение, вновь основанное на примерах Сары, Лии и Сефоры и призванное показать, что добродетели не порождаются ни людьми, ни самими собой; что именно Бог оплодотворяет их и приводит в движение. Филон, совершивший над собой насилие, чтобы вырвать это откровение у самого себя, затем обращается к тем, кто может его понять, в самых патетических выражениях: «О вы, посвященные, – говорит он, – вы, чьи уши очищены, примите это в свою душу как тайны, которые никогда не должны ее покинуть. Не открывайте ее ни одному профану; спрячьте ее и храните в себе, как сокровище, которое не тленно, как золото или серебро, но которое драгоценнее всего остального, поскольку это знание великой причины, добродетели и того, что рождается из одного и другого. И если ты встретишь какого-нибудь посвященного, умоляй его не скрывать от тебя новых тайн, которые он может знать, и не прекращай, пока не выведаешь их у него. Что касается меня, то хотя я был посвящен в великие тайны Моисеем, другом Божиим, однако, увидев Иеремию, я понял, что и этот пророк был не только посвященным (μύστης), но и руководителем посвященных (ιεροφάντης), и я последовал его школе⁵³.» Вряд ли можно с боль-

шим энтузиазмом относиться к древней и таинственной науке евреев, чем Филон. Характерно также его пристрастие к Иеремии. Евреи Египта, несколько ревнивые и несколько враждебные к евреям Палестины, особенно со времени постройки святилища в Леонтополе первосвященником Ониасом, особенно любили и прославляли тех древних мудрецов, которые, подобно Иеремии, бывали в Египте⁵⁴. Чем больше усилий прилагалось к тому, чтобы передать Египту основные институты Палестины, тем с большей гордостью они за них держались.

Но взгляд на принципы самого Филона лучше, чем эти общие замечания, покажет, в какой степени они должны были подготовить гностицизм.

Действительно, после этих замечаний мы можем ограничиться изложением принципов. Указание на них не только направит читателя к одной из колыбелей гностицизма, но и обозначит общие черты этой системы.

Начнем с того, что Филон привязан к платонизму; что он заимствует у него все, что религиозная система может заимствовать у философской; что он заимствовал бы у него огромный ресурс аллегоризации, если бы не нашел его у Аристобула. И вот, успокоенный этим соглашением между двумя своими мастерами, одним иудейским, другим греческим, он, как никто другой, развил эту систему аллегорий, которой на зависть друг другу следовали гностики, новые платоники, каббалисты и христианские врачи первых веков⁵⁵.

Как и в случае с гностиками, Филон видит в Верховном Существом первозданный свет или архетип света, источник, из которого исходят лучи, освещающие души. Он также является душой мира и, как таковой, действует во всех его частях⁵⁶.

Он сам наполняет и ограничивает все свое существо. Его силы⁵⁷ и добродетели наполняют и пронизывают все. Эти силы, *Δυνάμεις*, слово, принятое гностиками, с идеей Филона, являются духами, отличными от Бога: они – ипостаси идей Платона. Он безначален (*ἀγέννητος*) и живет в прообразе времени (*αἰών*) ⁵⁸.

Его образ – Логос, форма, более яркая, чем огонь, но не являющаяся чистым светом⁵⁹. Этот Логос обитает в Боге, ибо именно в его интеллекте Верховное Существо создает для себя типы или идеи всего, что должно быть реализовано в мире. Таким образом, Логос – это средство, с помощью которого Бог воздействует на вселенную. Его можно сравнить с человеческим словом⁶⁰.

Логос, будучи миром идей (*κόσμος νοητός*), посредством которого Бог создал видимые вещи, является старшим Богом (*Θεός πρεσβύτερος*), по сравнению с миром, который является младшим сыном (*υἱός νεώτερος*).

Логос, глава интеллектов, общим представителем которых он является, называется архангелом, типом и представителем всех духов, даже смертных. Его также называют человеком-типом и первобытным человеком⁶¹.

Все эти идеи заимствованы у Платона, и мы снова находим их в гностицизме с новыми модификациями.

Только Бог мудр; мудрость человека – лишь отражение, образ Божьей⁶². Бог – отец, а его мудрость – мать творения, ибо он соединился с *σοφία*, или наукой; он сообщил ей зародыш творения, и она родила материальный мир⁶³.

У гностиков *σοφία* – мать семи творческих духов видимого мира.

Хотя мир сотворен в соответствии с идеями, типами, задуманными Высшим Существом, он не дает знания об этом существе. Он может подготовить человеческий дух к его получению; но само знание – это непосредственный дар Бога, ибо это своего рода интуиция, которая дается только тем, кто отрешен от телесных вещей⁶⁴. Именно в таком состоянии человек достоин непосредственных сообщений, облучений от Бога или экстазов, переносящих его к Высшему Существом⁶⁵.

Однако никто, даже посвященные, не могут постичь природу этого Существа: мы можем лишь предположить, что оно аналогично человеческому разуму в плане мысли и свету солнца в плане его сущности.

Мир состоит из сырой и неупорядоченной материи; он создан во времени, тогда как Бог вечен. Время не было до мира; оно лишь родилось вместе с ним или после него⁶⁶.

Верный Священному кодексу и своей особой доктрине, Филон не смог ни объяснить происхождение материи, ни приписать ее создание Высшему существу. Однако он утверждает, что Бог сотворил только идеальный мир, а материальный мир он воплотил в соответствии с этим типом посредством своего Логоса, который есть его Слово и который в то же время является идеей идей, интеллектуальным миром (Κόσμος νοητός). В самом деле, интеллектуальный город есть не что иное, как мысль архитектора, который размышляет над созданием материального города в соответствии с этим планом⁶⁷.

Логос – не только творец, но и помощник Верховного Существа: именно через него действуют все силы или атрибуты Бога⁶⁸. С другой стороны, как первый представитель человеческого рода, он является защитником людей и их пастырем⁶⁹.

Все эти теории, о которых молчит Кодекс иудеев, Филон мог, выражаясь языком первых веков нашей эры, платонизировать на досуге. То же самое было не так, когда речь шла об особом сотворении человека; поэтому в этом отношении эллинизирующийся философ объясняется менее свободно. В самом деле, он выдвигает не этот Логос, о котором ничего не говорится в Бытие, и не только Бог создает человека. Бог дает ему душу или интеллект, который существовал до тела и который он соединяет с телом, как это выражено в священном кодексе в вульгарной формуле: Бог вдохнул дыхание в ноздри человека. Но Высшее Существо не создает тело, и сама душа содержит элемент, который не от Бога; Ибо помимо рационального начала⁷⁰, которое исходит от Бога через Логос⁷¹, и которое общается с Богом и Логосом⁷², в ней есть иррациональное начало⁷³, склонности и страсти, порождающие беспорядок⁷⁴, начало, исходящее от тех низших духов, которые наполняют воздух как служители Бога⁷⁵, и которые являются покровителями людей, но чья власть ограничена и которые не имели возможности сделать лучше⁷⁶.

Из этого следует, что состояние человека плачевно. Его тело, взятое из земли, и иррациональный принцип, оживляющий его, вместе с рациональным принципом, ненавистны Богу, а разумная душа, которую Он ему дал, находится как пленница в этой тюрьме, в этом гробу, который его окружает⁷⁷. Нынешнее состояние человека уже не является его первобытным состоянием, в котором он был образом Логоса. Падение, вызванное сладострастием⁷⁸, сбросило его с первой высоты. Однако он может снова подняться, следуя указаниям Софии и ангелов, которых Бог посылает ему, чтобы помочь освободиться от оков тела⁷⁹, и борясь со злом, существование которого Бог допустил только для того, чтобы предоставить ему средства для осуществления своей свободы.

Все эти идеи, которые мы еще не раз встретим у гностиков, Филон нашел у Платона. Точно так же он нашел бы их и на Востоке, в учении Зороастра, как мы увидим вскоре, когда будем искать восточные истоки гностицизма.

Однако он не нашел бы в ней того, что льстило ему больше всего, но что гностики уважали меньше всего, – привилегированной расы или нации, или особого закона, благосклонного правительства. Филон, однако, очень четко исповедовал это мнение. «Народ Израиля, – говорил он, – в своей гордости происходит от семьи, сохранившей в чистоте образ Божий, запечатленный на человеке, а также первобытное священство; и Высшее Существо избрало их, чтобы дать им свой закон и вести их через него ко всем славам».

Однако Филону мешали теория Священного кодекса и народное мнение о совершенстве закона. Правда, ему помогла аллегория, подменившая букву текста философской или мистиче-

ской идеей, но этим пренебрежением к букве он утвердил мнение гностиков, которые вообще приписывали все законодательство Моисея низшим духам.

Согласно Филону, души, очищающие себя не законом, а светом, поднимаются в высшие сферы и наслаждаются совершенным счастьем. Те же, кто упорствует во зле, переходят из тела в тело, где обитают страсти и злые желания. И здесь его гений совершает самый дерзкий полет; здесь говорит другой Платон⁸⁰. «Бесплотная область, – говорит он, – не есть одна во вселенной необъятная пустыня; это скорее многолюдный город, наполненный гражданами, обладающими бессмертными, нетленными душами, которые многочисленны, как звезды на небе. Некоторые из этих душ, более близкие к земле и более привязанные к ее удовольствиям, спускаются туда, чтобы соединиться со смертными телами, которые они лелеют⁸¹. Другие, напротив, отделяются от нее, чтобы подняться выше, в установленный природой срок. Однако есть и такие, кого желания земной жизни вновь возвращают в нее. Другие же, отвратившись от ее суетности, покидают это тело, как гробницу или тюрьму, и, взмыв на легких крыльях в бесплотные области, проводят там время своего существования⁸². Самые чистые и лучшие из всех, движимые более мудрыми и божественными помыслами, презрев все, что может предложить земля, становятся служителями верховного Бога, глазами и ушами великого Царя, все видя и все слыша. Философы называют их демонами; священные кодексы, используя более точное название, называют их ангелами или божественными посланниками, потому что они передают детям приказы отца, а отцу – молитвы его детей, спускаясь на землю и поднимаясь на небо; не потому, что тот, кто знает все, нуждается в отчетах, но потому, что смертным полезно иметь посредников и толкователей, чтобы они больше почитали верховного вершителя своих судеб». Таков Филон.

Гностики приняли большинство этих идей, особенно те, что Верховное Существо – это средоточие света, лучи или эманации которого пронизывают вселенную; что свет и тьма, враждебные принципы всех времен, соперничают за владение миром; что мир был создан не Верховным Существом, а вторичным агентом, который является лишь его словом, и в соответствии с типами, которые являются лишь его идеями, при помощи интеллекта, софии, которая является лишь одним из его атрибутов; Что видимый мир есть образ мира невидимого; что сущность человеческой души есть образ Божий; что она существовала прежде тела; что цель ее земной жизни – освободиться от тела, своей тюрьмы или усыпальницы, и что она вознесется в высшие сферы, как только очистится.

Филон жил при императоре Калигуле, в то же время, что и Иисус Христос, и едва ли на сорок лет раньше первых гностиков. Глядя на его доктрины, возникает соблазн принять его за самого прямого предшественника их учения.

Однако это было бы несколько поспешным решением, поскольку Египет и Восток в свою очередь внесли свой вклад в развитие принципов гностицизма.

Глава V Иудейско-египетские истоки

Эклектизм Аристовула и Филона ограничивается иудаизмом и греческой наукой. В нем нет ни египетских, ни восточных элементов. Другие александрийские писатели, такие же евреи, как и они сами, похоже, попытались сделать еще несколько шагов. История гностицизма предлагает по крайней мере один факт, который заставляет нас предположить, что евреи, которые так долго жили в Египте и чей законодатель был воспитан в этой стране, переняли некоторые из его идей.

Важный факт, о котором мы говорим, заключается в том, что египетская теогония составляет, так сказать, основу системы двух главных школ египетского гностицизма, школы Василида и Валентинуса. Теперь, что заставляет нас предположить, что не эти два лидера непосредственно сделали эти заимствования, так это то, что в теориях последнего они связаны с иудейской терминологией, автором которой мы его не считаем.

Правда, эта идея нова, но это не повод отвергать ее. Действительно, до сих пор слишком много внимания уделялось греческим исследованиям Аристовула и Филона, чтобы исследовать египетские исследования евреев Александрии.

И все же весьма примечательное произведение, написанное или переведенное на греческий язык в этом городе, «Премудрость Соломона», которое во времена святого Иеронима приписывалось Филону, свидетельствует о существовании иудейского эклектизма, отличного от филоновского, поскольку принципы одного и другого иногда противоречат друг другу⁸³. Но этот трактат, гипостазирующий σοφία, как и гносеологи, провозглашает между приверженцами Мудрости и вульгарными ту же самую линию разграничения, которой Египет, похоже, научил евреев, и которая, как мне кажется, старше, чем принято думать.

На самом деле, она восходит к истокам мозаицизма. Даже если мы не разделяем мнение тех, кто делает из Моисея эпика египетских мистерий, мы вынуждены признать в ряде его установлений⁸⁴ желание сохранить между вульгарными и посвященными ту линию разделения, которую он обнаружил в стране, или, по крайней мере, соответствующую ей демаркацию.

С другой стороны, сам Моисей и его брат, а также целый ряд первосвященников, совет семидесяти старейшин, Соломон и цепь пророков, по общему мнению, владели высшей наукой. Первосвященники и пророки даже получали прямые сообщения от Высшего Существа, и проводилось тщательное различие между человеком, получившим мгновенное вдохновение, и человеком в его обычном состоянии.

Поскольку наше утверждение относительно семидесяти старцев может быть несколько сомнительным, вспомним, что читали евреи в 4-й книге Моисея, гл. 11, ст. 25: *Descendit Dominus... Auferens de spiritu qui erat in Moyse, and in Septuaginta viris. Cumque requievisset in eis spiritus, prophetaverunt, nec ultra cessaverunt.*

[Немногие гностики подражали этим возвышенным утверждениям. Но их амулеты, охватывающие именем Абракаса все разумные существа племени, напоминают Урим и Тумим первосвященника, двенадцать камней которого, посвященные двенадцати коленам, охватывали весь народ Божий].

Глубокая ненависть, которую иудаизм питал к Египту с момента разделения, прервала обмен идеями на несколько столетий. Однако все отношения не прекратились. Мы знаем, насколько близкими они грозили стать при Соломоне, и насколько близкими они стали после Александра. Не только Александрия стала населена евреями, но и сам Египет был наводнен ими, и они настолько переняли греко-египетские обычаи и идеи, что довольно свободно перевели свой Кодекс на греческий, отделились от иерусалимского святилища и построили другое, Онейон, недалеко от Гелиополя.

Нет сомнений, что, поскольку они считали себя просвещенной частью своего народа, им довелось принять более активное участие в цивилизации греков и египтян.

Мы видели, как много гностики заимствовали у греков. Теперь давайте посмотрим, что дали заимствования у египтян. Независимо от того, черпал ли гностицизм непосредственно из этого источника или использовал ученых иудаизма в качестве посредников, он уловил основные черты египетской системы.

Верховное существо египтян, Амун или Амун-Ре, – оккультный и скрытый бог; он – *παῦῆς ἄγνωνος* гностиков. Он действительно, неведомая тьма, *σκοῦος ἄγνωνος*, тьма выше всякого разума, *σκοῦος ὑπέρ πάσαν νόησιν*⁸⁵.

Доказательством того, что Амун действительно является высшим существом, а все остальные интеллекты – лишь его проявления, его развитие, служит не только количество памятников и значение посвященных ему городов, но и его титулы первого, главного из богов, повелителя трех областей, небесного владыки, проливающего свет на скрытые вещи, титулы, приписываемые ему иероглифическими легендами⁸⁶. Амун, как и Неизвестный Отец гностицизма, – источник божественной жизни, символ которой воспроизведен в его памятниках⁸⁷; он – источник всякой силы⁸⁸; он – источник царской власти на земле⁸⁹. В целом он сочетает в себе все атрибуты, которыми древневосточная теософия наделяла Верховное Существо: он – плерома, потому что включает в себя все вещи⁹⁰; он – свет, потому что он – бог-солнце. Он неизменен посреди всего феноменального в своих мирах⁹¹. Он ничего не создает, но все исходит от него⁹². Его образ обязательно должен быть отображением главных атрибутов божественности, атрибутов, которыми другие боги обладают лишь частично, будучи лишь многими проявлениями Высшего Существа⁹³.

Когда пришло время творить, Верховное Существо, которое не могло творить непосредственно, произвело из себя голосом (напоминающим о Логосе) Нейт, женское существо, которое он оплодотворил и которое стало божественной матерью всего сущего⁹⁴, но которое не было существом, отличным от него самого, а было лишь развертыванием его сущности, женского порождающего принципа⁹⁵.

Поэтому для гностиков Амун и Нейт составляли единое существо, мистическую сизигию⁹⁶. Нейт – это *Εννοια*, первобытная мысль; женщина-дух, *πνεῦμα*; сила, приводящая все в движение, или дух, распространяющийся на все места, идея, выраженная в египетском стиле крыльями самого большого размера. [Нейт, управляющая высшим регионом, стала в то же время *ἀνωσοφία* гностицизма].

Она, как и ее сизигос, является единым божеством света, а солнце – ее сыном. Праздник светильников, отмечавшийся в ее честь в Саисе, возможно, указан на некоторых гностических памятниках.

Бог Мендес, один из древнейших богов Египта, является особой формой Амуна, своего рода фракцией этого бога, имя которого он часто принимает. Более конкретно он характеризует его порождающий принцип.

Некоторые гностические партии, особенно карпократиане, по-видимому, перенесли в свои доктрины и обычаи некоторые привычки, связанные с культом этого бога. Его эмблема, козел [животное, священное в городе, называемом греками Панополис, чей бог Пан соответствует Мендесу]⁹⁷, встречается на гностических камнях⁹⁸.

Спутницей этого бога, несомненно, была богиня Сован (Илития), покровительница материнства, своего рода продолжение Нейт, всеобщей матери, чью эмблему, стервятника, она разделяет⁹⁹.

В египетской теогонии, как и в гностической эоногонии, сменяющие друг друга сизигии являются лишь многими проявлениями или эманациями, возникающими друг из друга. Этот принцип не вызывает сомнений.

Одним из самых известных проявлений Высшего Существа является Хнубис, который часто носит титул Амуна, так же как сефиры и интеллекты каббалистов носят титул Эль,100 и который, несомненно, является Кнуфисом Страбона или Кнефом Евсевия.¹⁰¹ Он – Демиург или творческая сила, сила жизни и смерти, источник всего господства на земле. Его образы сопровождают змея Урей, символ царской власти; Копье, эмблема божественной силы; Фаллос, символ генеративной силы. Но в его символизме есть нечто еще более особенное и примечательное для нашего исследования. Как Демиург, он является духом, пронизывающим всю вселенную¹⁰². Вселенная представлена в виде сферы или глобуса. Змея – самый естественный образ круговой линии. Поэтому шар и змея – самые обычные символы Кнуфиса.¹⁰³ А поскольку Кнуфис – добрый дух, ἀγαθὸς δαίμων, сама змея, которая его представляет, носит это имя в египетской мифологии или теософии. Поскольку Кнуфис, как и его отец, был богом света, мы можем предположить происхождение аллегии Санхониатона о змее-солнце, которая заставляет день светиться, открывая глаза, и распространяет тьму, закрывая их¹⁰⁴.

Символ Кнуфиса – один из тех, что чаще всего встречаются на гностических памятниках¹⁰⁵.

У бога Кнуфиса, как и у его отца, обязательно есть спутница, но определить ее сложно. Мы могли бы связать его с богиней Тме, египетской Юноной, которая, будучи настоятельницей нижней полусферы неба, должна считаться дочерью Неита, президента верхней полусферы. Однако она носит титул дочери Солнца и была бы моложе Тоермут, которую называют матерью Солнца, но которая является лишь женой Пта-Тхоре, развертывания Кнуфиса. Теперь, хотя эти обозначения матери и дочери в системе такого рода не следует воспринимать буквально, я все же допускаю сизигию Тме и Меуи, олицетворенного Разума, а не Тме и Кнуфиса.

К сожалению, гностицизм слишком свободно модифицировал эти сизигии, чтобы помочь их восстановить.

Наиболее примечательное развертывание всей серии – Фта. Демиург Кнуфис, приступая к творению, задуманному в Неите, верховном разуме, вывел из своих уст, или произвел речью, яйцо, то есть вселенную или, по крайней мере, элементы вселенной, содержащие агента или разум, который должен был все устроить¹⁰⁶. Этот агент, Фта, является одновременно и образом высшего разума, как он реализуется в мире, и типом того, что проявляется в людях, под которым я подразумеваю науку или философию¹⁰⁷. Как таковой, он был настоящим источником удачи для гностиков, и мы не только находим один из его символов, отождественный крест, но и один из недавно обнаруженных памятников до сих пор показывает нам рождение Фта¹⁰⁸.

Сизигос этого бога, вероятно, богиня Анукэ [Хере или Гестия]. Она изображена с крыльями, окутывающими ее тело, которые, кажется, выражают тот же покой и стабильность, которые характеризуют так называемый нульмер ее мужа¹⁰⁹.

Фта вновь появляется в нескольких вариантах под именем Сокари. Это космогоническая сила, встречающаяся у греков под именем Гефеста, который является главным агентом природы или творческим и продуктивным огнем и имеет аналоги в некоторых других доктринах. Действительно, гений Наш, дух огня, играет важную роль в учении сабеян.

Идея о том, что сам Бог является душой мира, а огонь – проводником этой души, вообще одна из самых распространенных в античности¹¹⁰.

Фта напоминает Вулкана из греко-римской мифологии даже своей фигурой – карлика со скрюченными ногами. Мы увидим, как гностицизм воспроизводит этот образ¹¹¹.

В египетской теологии Сокари выполняет функции, которыми греческая теология пренебрегла или распределила по-другому, но которые гностицизм воспринял с самой серьезной точки зрения: он регулирует судьбы душ, которые покидают свои земные тела, чтобы перейти в эти высшие области, которых насчитывается тридцать две, и где они предназначены для очень разных условий.

Можно предположить, что по этой причине гностики уделяли большое внимание этому божеству.

Ее сизигос – это, возможно, богиня Атор, настоятельница верхнего региона мира¹¹², принцип первозданной ночи, принцип зачатия. Ее не следует путать со скрытым или оккультным принципом, истинным Высшим Существом, поскольку она намного моложе Амуна; она даже дочь Фре или Солнца, сына Фта.

Фта-Тхоре – это лишь другая модификация Фта. В этой форме он является творческим или, скорее, порождающим принципом, а скарабей, который также воспроизводится гностицизмом, является его особой эмблемой.¹¹³ Он, как и его сын бог Фре, носит титул отца богов.

Его сизигио, вероятно, богиня Нейт Тоермут, носит титулы бабушки-генератора солнца и дочери солнца [или принципа земного света, который отличается от солнечного или небесного света, истинного элемента Высшего Существа].

Поскольку матерью солнца могла быть не кто иная, как ночь, она иногда носит этот титул. Она имеет общий титул матери солнца с Латоной, родившей Аполлона.¹¹⁴ Отметим ее символику: в одной руке она держит отоженный крест, а в другой – посох с головой кукуфы, который повторяется на гностических камнях¹¹⁵.

Последний член огдоады и одновременно первый из додекады, исходящей от нее, – Фре, солнце, сын Тоермута и Фты, что означает, что Демиург породил земное солнце из той самой материи, с помощью которой ему было поручено устроить Вселенную. Следует также отметить его символизм. Ястреб, которого египтяне выбрали в качестве общего символа идеи бога из-за его долголетия и плодовитости и который является символом нескольких других божеств, является особой эмблемой солнца; как таковой, он носит красный диск на голове¹¹⁶.

Спутница Фре, Тифе (Урания), – небесный свод или владычица небесной тверди. Ее изображение, написанное синим или желтым цветом, встречается на многих памятниках, иногда усеянное звездами, иногда в сопровождении луны, солнца и пяти планет, нарисованных на ее торсе, рту и передних частях тела¹¹⁷.

В других случаях она держит в одной руке отоженный крест, а в другой – лист лотоса, который также встречается на гностических камнях и, по-видимому, указывает на превосходство божественного интеллекта над материей, которой он управляет¹¹⁸, – идея, воспроизведенная в гностицизме. Действительно, Тифе с семью небесными телами, одушевленными духами или джиннами, которые управляют ими, – это тип Софии и семи планетарных духов, которые вместе с ней управляют подлунным миром.

Теперь я хотел бы указать на не менее поразительные аналогии, которые можно увидеть в классификации небесных интеллектов. На самом деле египтяне признавали три последовательные эманации или три порядка божеств, первый из которых состоял из восьми, второй – из двенадцати, а третий – из десяти или тридцати небесных сил, что в сочетании с тремястами шестьюдесятью пятью гениями составляло полное богословие. Это составляло полную теогонию, и гностики Египта сохранили под разными именами все эти проявления Высшего Существа: сначала огдоада, исходящая сизигиями от неизвестного отца; затем додекада, исходящая от огдоады; наконец, декада, исходящая от додекады, в общей сложности тридцать эонов, число, которое также сочеталось с числом трехсот шестидесяти других Разумов.

Египетская огдоада варьируется у разных авторов; кажется, что она состояла из Амуна и Нейт, Мендеса и Сована, Пта и Ануке, Фре и Тифе, поскольку другие божественные проявления, обозначенные именами Кнуфис, Сокари, Торе, Тме, Тоермут и Атор, являются лишь различными формами одного и того же божества, выражающими некоторые из его особых действий¹¹⁹.

По мнению некоторых мифологов, додекада была не чем иным, как огдоадой, дополненной тетрадой, состоящей из солнца и луны, и еще одной аллегорической сизигией. По мнению других, солнце и четыре фазы, в которых оно появляется в различные сезоны года, состав-

ляли второй ряд богов вместе с Огдоадом. При нынешнем состоянии египетских исследований трудно строго определить членов этой второй эманации и особенно указать ее сизигию; но кажется несомненным, что боги Хонсу, Пийох, Гермес, Серапис и Сук, а также богини Бубастис и Нетфе принадлежали к этому классу.

Хонс или Хонсу, по другим – Чон или Сем, был сыном Фре, и как солнечное божество соответствовал богу Гераклу у греков.

Его символы не представляют собой ничего особенного; его часто сопровождает οὐδυνος, которая является дочерью солнца¹²⁰.

Тем более примечательны знаки Пийоха, бога Луны, который управлял этой звездой. Это желтый диск и полумесяц, лодка и глаз, тот знак быка, который Пийох имеет общий с Фре,¹²¹ что связывает их легенды с персидскими. Мифы о Пийохе и его вероятном спутнике Бубастисе связывают этого бога с Амуном-Ре и вторым Гермесом. В целом его изображения – одни из самых любопытных¹²².

Гермес, который является почти Христом гностиков, известен в двух различных формах, небесного Гермеса и земного Гермеса. Первый, единственный, кто принадлежит к додекаде, поскольку второй – к декаде, отличается эпитетом трижды великий и особым символом¹²³. Он – высший разум, исходящий от верховного разума. Он сын Амуна-Кнуфиса и первый из богов ὑπερουράνιοι. Он разделяет символы своего отца, проявлением которого он является¹²⁴.

Этот бог был объектом такого почитания, что его имя не произносилось, а сам он почитался в молчании¹²⁵. Это имя было Тот или Тхат и, возможно, относилось к его миссии формирования тел, в которые должны были быть заключены души виновных¹²⁶. Его эмблемы, почти всегда богато расписанные, можно увидеть на многих храмах. Входя в святилища, люди любили вспоминать того, кто открыл им богов.

Гермес, второй или дважды великий, принадлежит к третьему порядку богов и будет упомянут позже, как и Серапис, который, по-видимому, был древним божеством, но чей культ, долгое время остававшийся в забвении, похоже, затмил культ Осириса в александрийский период.

Последний из двенадцати, Соук (Кронос), бог времени¹²⁷, чьим символом был крокодил, все еще был солнечным божеством, как видно из аллегорий мифологов¹²⁸.

Декада была прикреплена к последней степени эманаций, исходивших от богини Нетфе, которая состояла, по происхождению, из трехсот шестидесяти гениев. Вот рождение декады.

В древние времена, когда год состоял из трехсот шестидесяти дней, допускалось лишь равное количество гениев. Этого было достаточно для всех нужд. Огдоад, или Верховное Существо, и его семь первых сил управляли солнцем и семью планетами; Додекада – двенадцатью лунами, или месяцами; триста шестьдесят других джиннов – днями. Когда усовершенствованная астрономия отметила еще пять дней в обороте года, теогония святилища откликнулась мифом на новые потребности народной веры, тем более охотно идя навстречу астрономии, потому что последняя была ее работой в той же мере, что и первая. Он создал группу из пяти гениев, пентаду, которую родила Нетфе и которая состояла из Осириса и Исиды, Аруэ-риса, Тифона и Нефтиды, которые, как утверждалось, родились во время Эпагомены. Эти пять божеств были бы последними богами Египта, если бы человеческий разум мог никогда не останавливаться. Но в мифологии, как и в философии, он никогда не перестает двигаться и творить. Он дал членам Пентады других богов и других джиннов, чтобы те помогали им в их работе. Затем рождение Гора и Анубиса, повторение Фта под именем Гарпократа, Гермеса под именем земного Гермеса и Осириса под именем Сераписа довели пентаду до десятилетия.

Эти десять сил третьего порядка были главами (δεκαῖοι) трехсот шестидесяти гениев-покровителей. Каждый из них руководил тридцатью шестью, так что Осирис и Исида вместе насчитывали семьдесят [вместо семидесяти двух]. Тифон и его супруга имели такое же число.

Что касается повторений, которые мы замечаем в этой теогонии, то они не должны удивлять; они были естественным следствием ее материнской идеи, идеи эманации, которая непрерывно воспроизводит одно и то же Единое Существо в новых формах. Несколько членов Огдоады возвращаются в Додекаду, и неудивительно, что члены Додекады вновь появляются в Декаде.

Гностики приняли все эти интеллекты и, естественно, сохранили их степени. У Валентинуса мы находим огдоаду, додекаду и декаду; у Василида – триста шестьдесят; на памятниках – имя Аруэрис, а также имя или символы Осириса¹²⁹.

Осирис, солнечное божество, более древнее, чем Серапис, образ верховного бога, источник всего хорошего в моральном и физическом порядке, постоянный противник Тифона, гения зла, слишком хорошо вписывался в представление гностиков о боге-спасителе, чтобы не быть включенным в их систему.

Исида разделила его судьбу. Аллегии гностицизма о страданиях Софии, сестры Христа, воспроизводят страдания Исиды, сестры спасителя Осириса.

Горус, сын Осириса и Исиды, также встречается в гностицизме.

То же самое можно сказать о спутнике Осириса и его противнике. Действительно, Гермес Второй и Тифон узнают друг друга, один – в низшем Христе, другой – в начальнике злых ангелов. Во-первых, вот роль Гермеса-Христоса.

Первый Гермес, разум Бога, написал книги о тайнах божественной науки в священных символах, которые остались неизвестными людям после катаклизма. Движимый состраданием к расе, живущей без закона, Создатель, желая дать им понять, что они вышли из его лона, и научить их пути, который приведет их обратно к нему, послал Осириса и Исиду исполнить эту высокую миссию в сопровождении Тота, воплощения или земного повторения первого Гермеса. Тот обучил людей, наряду с искусствами, украшающими существование, науке и церемониям поклонения, которые могут привести их обратно на небо, и изложил эту науку в сборнике из сорока двух книг, которые жрецы Египта, в зависимости от их ранга, изучали полностью или только частично¹³⁰.

Гермес, выполнив свою земную миссию, похоже, поселился на Луне. Его изображение изображает лунный диск, и он является повелителем восьми регионов, центром которых является Луна. Ибис, его символ, также был символом Луны, и, согласно священным мифам, именно из семидесятой части лунного сияния Гермес сформировал Пентакль, который он соединил с тремястами шестьюдесятью днями¹³¹.

Гиноцефал, который воспроизводится на гностических памятниках, также был одной из эмблем Гермеса. Вульгарный предрассудок, оставивший следы среди христиан первых веков¹³², приписывал этой расе обезьян искусство чтения и письма, которому обучил Гермес.

Спутник Осириса и учитель душ на земле, Гермес является проводником последних и советником первых в Аменте, аду. Там души должны дать отчет о своей жизни, после чего их распределяют, одних в различные райские области, других – в земные тела, где они должны искупить свои проступки.

Многие из прекрасных сцен, найденных на памятниках Древнего Египта, связаны с функциями Гермеса-психопома, о которых напоминают памятники гностиков, и это тем более легко объяснить тем, что некоторые эмблемы в этих сценах были более созвучны аллегориям священных кодексов¹³³, возможно, в силу древнего заимствования. Действительно, не раз образный язык священных писателей, язык, сформировавшийся на берегах Нила, оказывается всего лишь устным переводом образа, начертанного на памятниках Египта.

Мы знаем, что Пифагор также скопировал или перевел с этих памятников свою теорию метемпсихоза и свой миф о Гермесе-психопоме¹³⁴.

Анубис, сын Осириса и гений Сириуса, будучи одним из покровителей Египта и агентом Гермеса Второго, иногда путают с ним¹³⁵.

Каким бы важным ни был его миф, Осирис в некотором смысле отошел на второй план перед Сераписом, древним божеством, чей культ преобладал настолько, что иностранные народы, особенно римляне, привязанные к внешнему миру и экзотерическому учению, часто ставили его на первое место. Он управлял как явлениями Нила, так и судьбами душ в подземном мире. Он сливался с богом Канобусом, был связан с Гермесом, Анубисом, семью планетарными божествами и зодиаком.

Господствовавший в верованиях во времена зарождения гностицизма, он встречается на памятниках гностиков¹³⁶.

Теперь мы переходим к роли противника Осириса. Как и Ахри-ман, Тифон является принципом и источником всего дурного в моральном и физическом мире. Подобно Сатане гностицизма, он сливается с материей, и в этом отношении, как нам кажется, он оказал такое же влияние на умозрения гностиков Египта, как Ахриман на учения сирийских школ. Гении-покровители каждого дня года, составляющие третий ряд богов, вызывались главным образом против его роковой силы.

Эти боги так же мало известны по именам, как и триста шестьдесят интеллектов, составлявших Абракса-Васида. Древние понимали их под общим названием демонов и группировали их по классам вокруг богов *εγκόσμοι*, управляющих видимым миром, чьими агентами они были, как и их начальники – боги *ἰερωσύνοι*. Им поручалось поддерживать отношения между двумя мирами, они руководили нисхождением душ из высшей области в низшую и передавали им, во время их существования в испытаниях и искуплениях, помощь божественной жизни. Они разделили тридцать шесть частей человеческого тела на классы по тридцать шесть – ибо каждая группа из тридцати шести образовывала отряд под руководством вождя¹³⁷ – и, по завершении земной карьеры, проводили души, возвращающиеся к Высшему Существо, через двенадцать стадий зодиака.

Чтобы лучше рекомендовать эти души различным джиннам, чьи области им предстояло пересечь, тела умерших заряжали амулетами, играющими столь большую роль в гностицизме.

Однако гностицизм не сохранил двенадцать стадий этой традиции; он допускал только семь. Согласно верованию, распространенному среди новых платоников, которое эти философы, возможно, получили из Персии или Египта, человек в своей земной карьере последовательно попадает под влияние Луны, Гермеса, Венеры, Солнца, Марса и Юпитера, пока наконец не попадает на Елисейские поля¹³⁸. Эта теория настолько хорошо вписывалась в общую систему гностиков и, возможно, в частности, в их ступени посвящения, что они полностью приняли ее. Однако, хотя она в целом соответствовала великой тенденции гностицизма, которая заключалась в тесном объединении двух миров, и хотя он вряд ли мог отвергнуть ее, она слишком контрастировала с христианской верой, и он предпочел перенести ее на карьеру души после смерти, а не в этой жизни.

Что касается последней, то одновременно с верой в то, что она находится под покровительством нескольких благодетельных сил, он считал, что ей подвластны десять злых джиннов, с которыми ему было важно поспорить.

Подводя итог, можно сказать, что гностические школы Египта нашли бы в древних доктринах этой страны, прежде всего, все основополагающие идеи своей системы: неизвестное Высшее Существо, изначально скрытое, последовательно проявляющее себя через ряд духов, которые исходят, посредством сизигий¹³⁹, либо из его лона, либо друг от друга, и которые управляют видимым миром от его имени; духов, один из которых, его особый агент, является создателем, а другие разделяют с ним управление этим миром, в то время как третьи ведут, в своей двойной карьере, смертных, которым они передали, создав их души, несколько лучей божественной жизни, исходящей от Высшего Существа.

Тогда они обрели бы множество второстепенных теорий, мифов, традиций и символов, которые они сделали бы своими собственными.

Если учесть, что Египет стал местом расположения основных гностических школ с начала второго века, то возникает естественное искушение поверить, что именно в Египте гностики нашли свою колыбель.

Однако мы должны искать в других местах. Действительно, Иудея и Восток также предоставили свой контингент для гностицизма.

Глава VI. Халдейское и персидское происхождение

Если гностики Египта нашли богатые элементы в доктринах этой страны, то гностики Сирии могли найти еще более богатые элементы либо в самой этой стране, либо на Востоке в целом. В Египте была только одна система, на Востоке – несколько, и все они пользовались большой известностью и, как и египетские, были связаны с научными трудами, вызывавшими уважение. Поэтому неудивительно, что эклектики гностицизма использовали Восток; и я считаю, что, изучив, как они его использовали, мы быстрее доберемся до самой колыбели их системы.

Первый вопрос, который мы хотели бы разрешить в этой связи, таков: знали ли гностики Восток непосредственно и сами по себе, или же они знали его косвенно, через каких-то неизвестных евреев, как Василид и Валентин знали Египет, и как они знали Грецию через двух прославленных евреев, Аристобула и Филона?

Но, как бы ни был любопытен этот вопрос, он неразрешим здесь, в самом начале, и если его нужно поставить во главу этой главы, то его решение придется отложить до конца. Фактом является то, что прямыми предшественниками гностицизма были евреи из Сирии и Иудеи, и что они исповедовали доктрины, содержащие восточные элементы. Если к этому двум фактам добавить еще один, что гностический эклектизм демонстрирует восточные элементы во всех своих ответвлениях и особенно в тех, что связаны с иудаизмом, то можно предположить, что именно через евреев гностики познакомились с Востоком.

На самом деле в два разных периода евреи имели тесные отношения с Востоком, отношения, которые познакомили их с учениями Азии, несмотря на всю антипатию, которую они испытывали к иностранцам, и которые привели их если не к принятию верований, противоречащих их собственным, то, по крайней мере, к расширению последних за счет большого развития. Первый из этих периодов – вынужденное проживание в Центральной Азии или подчинение персам; второй – добровольное рассеяние по всему Востоку или подчинение Селевкидам и римлянам.

Мы знаем, в какой степени они эллинизировались в греческом мире в последний период, о чем мы поговорим позже: испытали ли они такое же влияние с Востока в первый период?

Евреи, подражавшие религиозным институтам Египта в период своего полного отделения от прежних хозяев¹⁴⁰, и всегда имевшие столь выраженную склонность к обрядам и идеям других народов, не могли не познакомиться с доктринами своих завоевателей за тот долгий период, который они провели в Месопотамии, истинной колыбели своей расы. Несомненно, в первые дни своего изгнания они считали ассирийцев, халдеев, медяков и персов своими врагами, и, несомненно, в первые дни своих отношений с несчастными пленниками эти народы проявили себя суровыми и жестокими по отношению к маленькому народу, который они заключили в свое лоно; но вскоре между последующими поколениями установились более мягкие отношения. Они говорили на одном языке; они всегда знали друг друга; они воспитывались вместе; они носили одни и те же имена, как доказывает пример Даниила; возможно, предрассудки еще существовали, но, по крайней мере, ненависть и презрение были изжиты. Дело в том, что вскоре потомки того самого побежденного народа, который так красноречиво оплакивал свое изгнание, уже не хотели покидать Персию, когда у них появлялась такая возможность. Понятно, что там у них была особая юрисдикция, судьи и правители их собственного народа; некоторые из них занимали ответственные посты, и, если мы правильно понимаем их рассказы, их дети могли воспитываться среди самых благородных представителей государства. Согласно этим же рассказам, Даниил был не только другом и министром царей, он также был назначен ими главой Вавилонии и коллегии волхвов, что, конечно, нелегко понять ни с его стороны, ни со стороны волхвов, но это, по крайней мере, указывает, в каком бы смысле мы это

ни понимали, что между врачами двух религий были установлены тесные отношения. В самом деле, если Даниил был сначала возведен в коллегия волхвов, а затем поставлен во главе столь знаменитой провинции и института; если, кроме того, в этот период своей жизни он занимал среди иудеев то высокое положение, которое ему приписывает история, он должен был играть в Вавилоне не ту роль, которую Моисей, возведенный в науку в Египте, играл в Мемфисе, а скорее ту, которую Филон, возведенный в греческую науку, должен был однажды сыграть в Александрии.

Ясно также, что он пошел на уступки по форме, поскольку был принят в Вавилоне; но несомненно, что ему не пришлось идти на уступки по существу, поскольку он не был отвергнут иудеями.

Этот факт не должен был быть уникальным, и пример пророка должен был иметь силу¹⁴¹.

Как только становится ясно, что между завоевателями и завоеванными установились очень тесные отношения, не остается сомнений, что общение распространялось и на религиозные идеи, которые всегда были для народов Азии предметом их главных спекуляций. Персия также предложила евреям некоторые сходства в своих доктринах, которые были охотно восприняты. Несомненно, что при сравнении систем, которые они нашли в Персии, с той, которую они исповедовали по возвращении в Палестину, возникает соблазн признать, что заимствования были самыми охотными.

Однако в конечном итоге длительное пребывание евреев среди нескольких самых известных и религиозных народов Азии, похоже, скорее оплодотворило их внутренние зародыши, чем привнесло в них внешние элементы. В прошлом, в истории доктрин, халдейско-персидское влияние на верования евреев и неоплатоническое влияние на труды Отцов были сильно преувеличены. В истории гностицизма и то, и другое было сильно воспринято.

Мы рассмотрим сначала первую, а вторую чуть позже.

Что касается первой, то две системы могли изменить представления иудеев: сначала халдейская, которая стала доминирующей после их прибытия в Месопотамию; затем персидская, которая распространилась более широко при Кире, то есть в то самое время, когда им было позволено вернуться в Палестину.

Давайте посмотрим, прежде всего, с точки зрения гностицизма, что предложила им первая, и что они, похоже, приняли из нее; затем мы поговорим о второй.

В городе и империи Вавилон существовала древняя и многочисленная каста жрецов, которых называли волхвами и которые, казалось, уходили корнями в глубокую древность. Когда халдеи завоевали Вавилон, они, по-видимому, сохранили свой институт, объединив его с институтом своих жрецов, но так, чтобы избежать полного слияния двух тел, поскольку в этой школе проводилось различие между волхвами и халдеями. И те, и другие, согласно часто путаемым сведениям древних, занимались в основном астрологией и магией, произнося оракулы и совершая таинственные исцеления. Длинный ряд наблюдений за небом и астрономические знания, которые не следует ни преувеличивать, ни недооценивать¹⁴², сочетались в вавилонском институте, как и в колледжах Фив и Мемфиса, с преподаванием религиозных верований, и евреи нашли в этих институтах слишком много аналогий со своими собственными, со своей кастой жрецов, со своей школой пророков, со своими оракулами и своими магическими обычаями, чтобы не решиться обогатиться из такого богатого источника. Доминируя над своей религией или религиозным календарем, который был для них достаточным, хотя и несовершенным в то время, они полностью оставили астрономическую науку в стороне; но они предпочли ознакомиться с использованием той магии, практика которой была запрещена их Кодексом.

Однако на этом евреи не остановились. В то время, когда они находились в Вавилоне, различные классы волхвов были разделены на экзегетов образных писаний, толкователей при-

роды, толкователей снов, астрономов, прорицателей и халдеев¹⁴³, к которым, по-видимому, следует добавить классы историографов и священных певцов. Теперь, если эти перевернутые части тела волхвов не все воспроизведены в иудаизме после изгнания, мы можем, по крайней мере, отметить, что с тех пор среди евреев появилось множество сект и новая экзегеза, мистическое толкование со всеми его бесконечными играми и прихотями.

Гностицизм очень ревностно относился к этой последней науке и к великому институту коллегии как исключительному хранилищу тайн веры. Не пренебрегал он и магией. Что касается идей, то в отсутствие положительных памятников трудно что-либо уточнить, потому что цилиндры, которые находят в Вавилоне и которые, кажется, относятся к другому времени, не объясняют доктрины этого¹⁴⁴. В некоторых очень измененных текстах, которые мы едва ли осмелимся цитировать, так называемых «Оракулах Зороастра», говорится о теории Ингов¹⁴⁵, которая могла породить теорию Эонов; но Эоны так хорошо объясняются Идеями Платона, Ферурами Зороастра, Ангелами евреев и Демонами греков, что нет необходимости возвращаться к этим Ингам. На Востоке джинны такого рода почти так же стары, как и человек.

Что касается второй системы, с которой иудаизм познакомился в Персии, – Зенд-Авесты, – то ее влияние, по-видимому, ощущалось сильнее. Правда, эта система распространилась в различных провинциях Персидской империи только после Кира, и в это время евреи смогли покинуть центральную Азию; но хорошо известно, что многие семьи этого народа предпочли новую родину старой; что они остались, в интересах своей торговли, среди своих хозяев, и что у них была, в частности, в Вавилоне, одна из самых известных школ. Поэтому с этого времени они могли ознакомиться с системой Зороастра. Эта система была не более чем реформой древних доктрин и сама была старше Кира¹⁴⁶.

Я не стану утверждать, что евреи восхищались этой системой; я скорее утверждаю обратное. Но что я думаю, я могу признать, так это то, что многие из их врачей, подобно Даниилу, владели языком своих учителей, и что некоторые из них сделали в Персии то, что Аристобул и Филон без колебаний сделали в Египте: Что они приняли те идеи, которые были примирены с иудаизмом; что эта система получила в промежутке от персидского до греческого влияния, или от Кира до Александра, большое развитие, и что гностицизм собрал самые богатые из этих заимствований. Давайте сравним.

В системе Зенд-Авесты, самой замечательной и самой известной из тех, с которыми евреи столкнулись в Азии, Верховное Существо – это Время без границ¹⁴⁷. Ему нельзя приписать никакого происхождения; он настолько окутан своей славой; его природа и атрибуты настолько недоступны человеческому разуму, что он является для него лишь объектом молчаливого почитания¹⁴⁸.

Это Вечный иудаизма; это неизвестный Отец гностицизма. Позвольте мне продолжить.
Творение началось с эманации.

Первой эманацией Вечного был первобытный свет, и из этого света появился Царь Света, Ормузд. С помощью слова¹⁴⁹ Ормузд создал чистый мир. Он – его хранитель и судья. Он – святое и небесное существо. Он – разум и наука¹⁵⁰. Он носит титул первенца Времени, который будет связан, и обладает всеми полномочиями Высшего Существа.

Однако, строго говоря, он является лишь четвертым из существ. У него есть предсуществующий *ferouer*, или душа (тип или идеал, на языке Платона), и о нем сказано, что он существовал с самого начала в первом свете. Следовательно, этот свет тоже существовал раньше. Но этот свет – лишь элемент, а его феруэр – лишь тип, и он, говоря обычным языком, является первенцем Зеруаны Акерен.

В гностицизме Ормузд будет Логосом, Нусом, Христосом, Демиуном-Госом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.